

СЕРГЕЙ ЗЫБОЛОВ

ДЕЖАВЮ. ЛЮБОВЬ

Сергей Зыболов

Дежавю. Любовь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30804774
ISBN 9785449059536*

Аннотация

Добро пожаловать в новый мир. Перед тем, как отправиться в книжное путешествие, возьмите с собой небольшой рюкзачок от «Дежавю. Любовь». Возможно, он пригодится. Роман нельзя отнести к фантастике, он повествует о жизни в современном мире, о быстротечности течения жизни, о вечных ценностях, о дружбе и, конечно же, о любви...

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
БЕЛЫЙ	8
Глава 2	20
БЕЛЫЙ	20
ЗЕЛЕНый	29
Глава 3	59
БЕЛЫЙ	59
Глава 4	73
ЗЕЛЕНый	73
БЕЛЫЙ	83
Глава 5	90
БЕЛЫЙ	90
Глава 6	98
БЕЛЫЙ	98
Глава 7	106
БЕЛЫЙ	106
Глава 8	119
БЕЛЫЙ	119
ЗЕЛЕНый	125
Глава 9	130
БЕЛЫЙ	130
Глава 10	140

БЕЛЫЙ	140
Глава 11	148
БЕЛЫЙ	148
Глава 12	165
ЗЕЛЕНый	165
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Дежавю. Любовь

Сергей Зыболов

Посвящается

маме Любови, жене Елене и дочке Полине

Дизайнер обложки Сергей Зыболов

© Сергей Зыболов, 2018

© Сергей Зыболов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5953-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Перед тем, как отправиться в новое книжное путешествие, возьмите с собой небольшой рюкзачок от «Дежавю. Любовь». Возможно, он пригодится. Итак, начнем.

Первое, на что следует обратить внимание и приспособиться, это – несколько сюжетных линий в романе, одна из которых – «Зеленый» – развивается практически на один год вперед. Как и что происходит – покажет время. Это – просто небольшая авторская подсказка. Специально говорю об этом в предисловии, чтобы спокойнее воспринималось прочтение. Цветных путей-дорожек в романе предостаточно.

Второе, с неизвестными частями насекомых или географическими названиями, если вдруг такие попадутся, можно ознакомиться в специальном словарики в конце книги.

Третье, это вроде всем известное «дежавю» (как вариант – «дежа вю») – состояние, при котором личность ощущает, что уже когда-то пребывала в подобной ситуации. Существует мнение, которое поддерживается учеными, что возможной причиной возникновения дежавю становится изменение способа кодирования времени головным мозгом. Оказывается, все очень просто! Да, и при этом процесс проще всего представить как одновременное кодирование информации как «два в одном»: прошлое и настоящее, причем, с одновременным переживанием этих процессов. При

всем при этом, ученые говорят о том, что эффект этого самого дежавю может быть вызван предварительной бессознательной (т.е. во сне) обработкой какой-либо информации. В тех случаях, когда личность (умеренно обращаю внимание – на слове «личность», а не «человек» или «особь») сталкивается в реальности с ситуацией, воспринятой на бессознательном уровне, и успешно смоделированной мозгом, так скажем, достаточно близком к реальному событию, и возникает эффект, именуемым дежавю. Подобное объяснение отлично подтверждается появлением дежавю у вполне здоровых личностей.

И четвертое, это любовь, которая все же правит миром. Вы уже это где-то слышали? Тогда остается пожелать вам легкого восприятия произведения.

Глава 1

БЕЛЫЙ

Назойливые капли монотонно стучали в окно, убаюкивая весь мир своей симфонией. Колыбельная, исполняемая природой в этот теплый майский вечер, гармонично плыла по огромному, безликому, мрачному городу. Тяжелые призрачно-мраморные тучи медленно ползли с юга на север, грузно нависая над мегаполисом, словно заспанная до родная хавронья опухловато передвигалась в свою уютную стайку на ночлег. И только ярко-морковный дирижабль, заплутавший посланник какого-то необозримо-прошлого века, дерзко добавлял легонький мазок теплых красок в палитру ненастного и хмурого неба. Несмотря на то, что эта жирная, накаченная гелием, сарделька, бездушно зависшая в небе, произвольно олицетворяла собой этакое «светило», настоящей энергии тепла и света от него не исходило, а лишь наоборот, оранжевый объект, блуждающий, как казалось, беспорядочно по небесным просторам, с назойливо-иступленной тяжестью нещадно давил на город, вызывая лишь неприятный страх.

Где-то на окраине индустриального монстра прохрипел болезненный гром, тут и там заблистали нервные молнии-

носные зигзаги. Живородящее небо, словно исторгая из себя каплю за каплей потоки воды, мученически выдавливала раскатистые природные рыки. Лишь мутному расплывчатому обрезку луны не было никакого дела до разыгравшейся стихии, ночное светило презрительно воцарилось над одним из высокорослых панельных строений, по краям которого, будто бы подлокотники гигантского королевского трона, возвышались две башни, и преспокойно дремал. Непогода наслаждалась своим неистовством, как будто разбуженный крохотный ребенок, который проснулся и фальшиво капризничает посреди ночного отдыха, а ведь между тем, целых три недели, или около того, в регионе царила пыльная и безветренная, чуть ли не песочная, сушь.

По ярко освещенной узенькой улочке, что приютила разношерстные – пяти-, десяти- и сорокаэтажные панельные кубики, медленно катил зеленый легковой автомобиль какой-то замшелой модели. Вдруг он резко дернулся и остановился на перекрестке в тот момент, когда сверкнувшая молния ослепила здания, в следующее мгновение транспортное средство резво развернулось задним ходом, дернулось раз-другой, будто кукольный котенок, поперхнувшийся своей нализанной шерстью дергается и пятится назад, и, грузно газанув, снова направилось вдоль Шестьдесят второй улицы. Окончательно растворившись в сером, тоскливом дожде, легковушка больше не возвращалась, свернув в соседний квартал.

Ни одного прохожего на вечерней улице не было. Совсем ни одного. В наглухо тонированных витринах первых этажей зданий и в зеркале мокрого теплого асфальта бесполезный пульсирующий свет фонарей многократно, до исступленной призрачности, совершенно бессовестно отражался, и от этого свечение еще больше усиливалось, все играя с непрекращающимися каплями дождя и не давая городским улочкам погрузиться в сон. Ночное настроение...

«Ну, вот кто скажет честно и откровенно – на кой ляд так ярко освещать эти наши пустынные улицы, раз все равно никому нельзя появляться поздними вечерами. Нет, правда, зачем все это? Ну, заче-е-ем? Никто никуда не ходит, а куда идти-то, если нельзя? Нельзя... да, собственно, и не за чем. Ночью надо отдыхать для нового трудового дня, с чем мы прекрасно справляемся... а свет горит и горит себе на здоровье? Может быть, ночью его отключают? Мы даже и не знаем, горит ли он ночью. Может, спросить Ски или Ронда? Хотя... вообще довольно-таки странная ситуация... странная, да-а-а... но, ладно, не стоит думать на эту тему. Это не наш вопрос, наше дело – простое, нехитрое – работай себе и работай! Сегодня день закончился, а завтрашний... Завтрашний – скоро начнется... после пробуждения! И снова – по кругу!» – размышлял Эйв, пытаясь отыскать приличное объяснение происходящему.

Незаметно подходил к завершению десятый час ненастно-

го субботнего дня, минутная стрела беспощадно уничтожала еще один день в судьбе. До вечерней поверки оставалась какая-то четверть часа. Почти в каждом окне дома номер двадцать четыре ревниво замер приглушенный свет, словно само здание тоже готовилось к ежедневной перекличке с целью проверить наличный состав жильцов, так уж было заведено в этом кондоминиуме.

На двенадцатом этаже в комнате А-745 еле слышно мерцал телевизор. Совершенно равнодушные до некоторого времени Эйв и Ски смотрели, как и каждые выходные, новостную программу «Вечерние страницы» 19-го канала. Но вот, они враз оживились, их внимание привлек сюжет о странном трагическом событии, которое произошло в столице соседнего государства, огромном мегаполисе Анмее¹. Сегодня ровно в полдень на центральной площади перед памятником вождю партии, правящей в республике уже около доброй полусотни лет, два десятка муравьев, двадцать работников устроили акт самосожжения. Доведенные до глубочайшего отчаяния насекомые заперлись в стареньком скромном микроавтобусе, и после дружного скандирования политических лозунгов собравшаяся вокруг толпа, приличное такое количество гуляющих муравьев, вдруг услышала, как болезненно, жестоко и энергично разбивается стекло бутылок и клокочет разливаемая жидкость, посу-

¹ *Анмея – столица Линайской народной республики, граничащей на востоке с Государством.

дин разбили с добрый десяток, на что ушло несколько минут. Не на шутку напугавшись, часть зевак начала косо отступать, сторониться, предчувствуя всем сердцем непримиримо-недоброе, тем более что в воздухе засквозило резким дурным ароматом, разящем наповал... Затем в одночасье автомобильчик вспыхнул... Крики возобновились, пылающие и метавшиеся в стенах транспортного средства смертники вопили изо всех сил, провозглашая один лозунг за другим. Язык соседней страны, безусловно, отличался (на то она и есть «другая страна» – со своим языком, культурой, строем и т.д., и т.п.), но все же отдельные слова были понятны телезрителям, хотя их старательно приглушали при создании перченого новостного сюжета. Самое трагичное и роковое было то, что эта несущая страшную смерть, эта чудовищная акция, была тщательно спланирована: заблаговременно, добросовестно были приглашены журналисты пишущие и журналисты-телевизионщики, официально предупреждены городские власти, и по странному стечению никто не воспрепятствовал подобной странной форме волеизъявления. Совершенно никто! Не было мало-мальски хоть какого-нибудь полицейского оцепления, ни пожарно-спасательных, ни медицинских служб, дежурящих где-нибудь в соседнем дворе. Официальная причина инцидента не озвучивалась. Властные структуры достаточно сухо прокомментировали произошедшее, сославшись на то, что «достоверной информации о цели данной акции, а также о состоянии потер-

певших (это ж надо было так назвать сгоревших!), к настоящему времени нет». Удивило и то, что журналисты телеканала, который рассказывал в комнате А-745 о трагедии, аргументированно предположили, что леденящее душу самосожжение могли устроить члены запрещенной в Линае секты «Расскинэ», которые активизировались в преддверии десятилетнего юбилея деятельности этой организации в Линайской Народной Республике. Телевизионщики подчеркнули, что ярые сторонники секты неоднократно устраивали похожие акты самосожжения, на площадях в микроавтобусах, в знак протеста против политической деятельности и произвола властей.

«Произвола?! Какого-такого произвола?» – вопрошали журналисты с экрана. – «У нас все в полном порядке, все отлично! Ну, вот разве что иногда... иногда – да-а-а... так сказать, случаются недоразумения, такие вот случайности... И, конечно же, подобные инциденты пугают общественность и вносят, можно сказать, настоящую панику в спокойную и прекрасную жизнь обычных, рядовых граждан нашей страны! А ведь они, граждане то есть, они – этого не заслуживают! Граждане страны должны быть спокойны, уверены в завтрашнем дне, и должны трудиться на благо своей Родины!»

Раз от раза хакеры противогосударственной организации даже умудрялись самостоятельно выходить в телевизионный эфир страны, нагло взламывая спутниковую сеть национального Линайского телевидения. Кроме того, неумолимо при-

ближалось празднование Нового года по Линайскому календарю², с наступлением которого в регионах этой огромной, безумно-безумно многочисленной страны, самого большого государства на континенте, и в ближайших странах-соседах, ожидалось импульсивное нарастание напряженности, чайник недовольных мог закипеть в любой момент, поэтому Общий Союз Государств³, с целью предотвратить любые проявления недовольства режимами, которые все же реально были, вводились чрезвычайные меры безопасности, и сегодняшний инцидент с самосожжением лишний раз показал незащищенность мирных граждан от любого действия противоправительственных организаций.

«Сегодня эти безвольные особи решили сжечь себя, самостоятельно сделав необдуманный шаг в беспросветную неизвестность, выбрав страшную и мучительную, но быструю смерть. Вместо того чтобы трудиться на благо нашего любимого до бездонной глубины государства, они предпочли погибнуть, они уйти в неизвестность, а завтра, что ждет нас завтра? Не ровен час, их ближние собраты, их идейные дру-

² * Новый год (по линайскому календарю) – празднуется в ряде стран материка. Главный праздник Линайской народной республики (страны, граничащей с Государством, где происходит действие романа). Отмечается на весеннее новолуние, дата праздника колеблется с завершающей недели марта в течение четырех недель. Масштабно отмечается в столице Государства – городе Кехидупан.

³ *Общий Союз Государств – организация, объединяющая все страны планеты. Представители от каждого государства решают на общих советах спорные мировые вопросы.

зья безо всяких остановок приступят к террористическим акциям, взрывам и еще неизвестно к чему!» – с пугающим выводом завершил репортаж разгоряченный журналист.

– Эйв-в-в, слушай, а как ты думаешь, у нас в стране, ну вот прямо у нас в городе, на площади, подобное могло бы произойти? – Ски оторвался от гипнотического экрана телевизора и чуть слышно скользнул к глянцевому окну. – Ты понял, да, понял? Может такое? Я имею ввиду а-а-а... я имею ввиду, у нас смогли бы муравьи сами себя сжечь? – Ски еле-но зевнул и посмотрел в сторону, где за беспросветными рядами многоэтажных кубических домов должна была скрываться центральная площадь города.

– Понимаешь, я так думаю, все зависит от того, какие силы двигали собратями, решившимся на такой шаг, – Эйв также поднялся и приблизился к Ски. – Ведь вполне возможно, что и наши смогут такое сделать. Кто их знает? Кто нас всех знает, на что мы способны? Иногда дальше далеко воспринимается не совсем реальным. Мир – словно иллюзия, в которой мы живем... Я имею ввиду... – тут Эйв вдруг закашлялся, но спустя минуту его отпустило, и он продолжил. – Я, ведь, что имею ввиду? Я говорю о том, что если где-то происходит какое-либо событие, нам кажется, что оно нас не касается, совсем не касается, и вряд ли коснется. Оно – где-то там, на другом конце света, в призрачной иллюзорности, в неопределенном далеком, а мы – здесь... Правильно говорю?

– Не знаю, правильно ли... Просто, это – твое мнение... – пробурчал Ски.

– А-а-а, на самом деле, – продолжал Эйв, не обращая на слова друга, – мы уже привыкли к тому, что нам эту информацию, новость или мнение там... да, в общем, хоть что, мы привыкли, что нам уже все преподнесли почти готовое... Это типа, как полуфабрикат-блюдо в магазине, ты его уже купил, принес домой и оно лежит себе спокойненько в холодильнике, остается только достать его, разморозить и разогреть. Так и в нашем случае, рабочие муравьи идут на отчаянные меры, на самопожертвование... Может, и наши так же некоторые особи уже морально готовы, остался буквально один шаг... или я что-то не так говорю? Уже, мне кажется, что я сплю на ходу...

– Да все нормально, я тоже уже сплю. Уже все, время полуночников, пора спать. А ты думаешь, сами они идут? Сами идут на эти меры? – Ски с неопределенной вялостью косо посмотрел на Эйва. Разговор все больше принимал политическую окраску, и вечером в субботу беседовать на серьезные темы ни тому, ни другому совсем не хотелось, и, вообще, политика – это запрещенная тема... Спрашивается, зачем все надо было начинать? Тупиковый вариант.

– Да-а-а, как сказать, как сказать! Хм-м... может быть и сами, от безысходности, понимаешь, Ски, от безысходности, от тупиковой жизненной ситуации, а может ради других муравьев с дальним прицелом, вот такой у нас выход, кто их

поймет? Смотрите, вот мы! Нас заметят и, возможно, изменится мир, и другим особям станет легче жить! Может так думают?

– Слушай, возможно, и так, а, может, и по-другому все. Мы ж точно не знаем, и уже никогда не узнаем, – Ски звонко щелкнул по стеклу коготком. – Есть еще вариант такой, что их просто-напросто используют в обычных корыстных целях, как безвольных куколок, как пустых марионеток, заложников ситуации, так сказать, насильно вынуждая к подобным действиям. Где-то я уже видел и слышал такое и не раз, и не два, так что, это – не мои мысли.

– Да, может и так... Может, ты правильно говоришь... Я уже тоже думал об этом. Но подумал-подумал минуту-другую и сразу забыл... Работой нас грузят, отвлекают от разных мыслей... иногда и нет времени о жизни задуматься, так ведь, а-а-а?

– Так-то так, но мы медленно отползли от главного вопроса моего.

– Отползли-отползли...

– Понимаешь, я-то имел ввиду – может ли такое у нас в Государстве произойти? Мы же не какие-то там линайцы... у нас совершенно другое Государство, у нас – другая форма правления, другое мышление населения. Ведь там, у них – иначе мир устроен!

– Может, и иначе... Нам показывают одно...

– Да он вообще другой, этот мир! Или нет? Хотя... уже

и не знаю даже, что ответить... Сплошные вопросы без ответов... – Ски удивленно развел верхние лапки и его усики в такт этому движению тоже двинулись.

– Знаешь, Ски, если быть полностью откровенным, мне иногда кажется, что и у нас нечто подобное происходит, просто мы обо всем этом не знаем. Страна большая, и... Нам просто не все сообщают. Зачем нам рассказывать? – взбодрившийся было Эйв повернул вполоборота мордочку и ехидно скосил глаза в сторону. – Ты же многое понимаешь, ты понимаешь, как и я, но... вслух сказать или признаться самому себе – нет смелости или простого времени, всегда в работе – нет времени для осознания, что ли... Раз уж у нас зашел такой разговор, вот тебе и сказал, как думаю. Не секрет ни для кого, что средства массовой информации... эти все газеты, телеканалы... Они всегда регулируются Государством, даже находясь в частных руках... Газеты, радио и телевидение – как рычаги управления всем механизмом государственной власти. Во-о-о как сказал! – неподдельно удивился сам своему откровенному открытию Эйв.

– Согласен с тобой, полностью согласен! Ну-у-у, мы тут уж ничего не можем поделать, приходится проглатывать «наживку». А-а-аммм и готово! Мы – это... Мы – рядовые потребители продукта, скажем так.

– Вот-вот, нам показывают и доносят до нас то, что наше верховное правительство считает съедобным.

– Ага, так и есть!

– Самое главное – нас содержат, как рабочую силу: неплохо кормят, дают стабильную работу, крышу над головой, а все остальное... все остальное – оно, как бы в стороне, оно – второстепенное. Любому государству, нашему или соседнему, или, даже на другом континенте, нужны простые работники, которые будут пахать и не думать ни о чем другом, кроме работы...

– Угу, вот мы и работаем.

– Да, вот мы и работаем... Получается, что нас держат на строгом поводке, чтобы дернуться ни в правую, ни в левую в сторону не могли...

– Это ты в самую точку попал!

– Есть такое, я – такой, я – меткий!

– Так и есть на самом деле. Любому государству требуется рабочая сила, но тут вот загвоздка – не всякая система может грамотно управлять своими гражданами. Думаю, многое зависит от самосознания каждой особи... Как правильно говорится в древней поговорке: «Была бы шея – хомут найдется!» – развеселившийся Ски хлопнул по подставленной лапке Эйва и они замолчали на какое-то время.

Глава 2

БЕЛЫЙ

Пока Эйв и Ски мирно беседовали о физических возможностях горения тел муравьев – противников строя в различных странах, Ронд, прилежно исполняя обязанности дежурного, вертелся на кухне, словно сумасшедший бельчонок в нескончаемом крутящемся колесе. Молоденькая дикторша в «ящике» с безумно красивыми небесно-бирюзовыми глазами совершенно монотонно, словно это была не живая особь, а искусно выправленный кукольный муляж, озвучила очередной указ президента страны Сная по ужесточению мер к «государственным преступникам». Каждый задержанный на улицах крупных городов после одиннадцати часов вечера отправлялся без каких-либо судебных разбирательств на тяжелые работы на восток страны в город Дситеррум-4⁴, где вот уже не один десяток лет проводилась разработка и переработка урано-фосфатных руд, что означало, практически, смертную казнь, уныло растянутую на несколько трудовых лет. Ведь в условиях этого далекого поселе-

⁴ *Дситеррум-4 – закрытый поселок городского типа на востоке Государства, где разработка и переработка урано-фосфатных руд ведется уже более 30 лет.

ния ни один из муравьев не мог прожить более пяти лет, за исключением добровольцев, устраивавшихся на урановый завод ради хоть какого-нибудь мало-мальского «куска хлеба», ведь у них условия труда и жилья были многократно лучше, чем у подневольных ссыльников, но при этом, они также были, по сути, обречены – добровольцам, в лучшем случае, был отмерен Всевышним десяток лет. Бесспорно, одной из привлекательных привилегий добровольцев-уранозаводчиков была свобода передвижения: они могли бесплатно передвигаться во время блаженного ежегодного двухнедельного отпуска на электропоездах, самолетами или автобусами – в любую точку континента. Эту «космически-все-ленскую привилегию», как иронично называл ее Эйв, они всецело использовали для того, чтобы, как они сами говорили, «проветрить свои одежды от урановой пыли, а заодно напрочь развеять монотонность серых будней, накопившуюся за напряженный рабочий год». «Добровольный выбор», по сути дела, для многих являлся единственным решением жизненных вопросов, так как загнанные в угол безработные были вынуждены устраиваться на завод после безуспешных попыток найти рабочее место.

В заключение обыденных «Вечерних страниц» диктор, снова как по шаблону, сообщила о сезонном наборе в технические бригады «лимонников», трудяг с уранового завода, получивших свое прозвище из-за цвета униформы: защитных касок и плащей. Но вот «говорящая голова» бесследно

растворилась в океане радужных красок и на плоском экране, после короткой рекламной паузы нового медового напитка, выросло поле из сотни разноцветных квадратов, которые перемигивались и изменяли окраску, вдобавок ко всему телевизор пару раз неприятно пискнул.

– Ронд, слушай, давай уже иди скорей, докладывай! Ти-ви тебя ждет! – Ски прокричал, призывая товарища к действию.

Когда дежурный Ронд весело прискакал с кухни, Эйв и Ски напряженно сидели возле телевизора, переливающегося всеми цветами радуги. Они энергично протянули левые передние лапки, на которых красовались персональные жетоны и синхронно переглянулись. «Что такое? Самая обычная ежевечерняя процедура проверки наличного состава на местах?» Ронд осторожно взял лапки своих товарищей и оттянул жесткие пластиковые жетоны. «Пи-пи-пи», – издал согласующие звуки телевизионный аппарат, – это скорострельно набрал код на передней панели дежурный и озорно подмигнул друзьям, и холодные плоские белые жетоны бесследно утонули в боковой стенке плоского монитора. Ронд щелкнул переключателем, нажал еще на три кнопки, и картинка на экране телевизора из многоцветной преобразовалась в однотонное нежно-розовое поле – проверка прошла успешно.

– Ну, вот, на сегодня и все! Хотел вам еще что-то сказать, буквально только что хотел, но забыл... Ладно, вспомню – скажу тогда! – с восторженным колоритом сказал Ронд

и вычертил правой лапкой над головой какое-то невероятное приветствие.

– Отлично! Все, так все! – не протестовал Эйв и с улыбкой сердечно добавил. – Как скажете, батенька...

Именные жетоны выпали из телевизора как за дальнейшей ненужностью, и освободившиеся Эйв и Ски поднялись со своих мест.

– Да-а-а, програм-м-м-мы кончитас. И нам осталось только одно – попить чай. Чай, чай, чай! – сказал Ронд.

– Чай – это хорошо! Чай – полезный напиток! – поддержал его Эйв.

– Осталось совсем чу-у-уток, и меньше, чем через час вы должны лежать в постели и видеть сны! Ну, или не видеть сны, но что лежать – это уж точно! Хотя, сны – очень важны в нашей жизни, так что – постарайтесь их увидеть! – подуставший Ронд криво улыбнулся и почесал усиковую ямку, откуда выпирал скапус усика, и заезженные днями, неделями, месяцами, годами фразы, с каким-то пустынным воздухом вырвались из его уст. Следующие слова, впрочем, как и многие другие, словно древние пирамиды, прочно и всецело запылили их бытие. А ведь именно из мизерных капелек набирается целый океан, из маленьких слов, дней, событий и состоит вся жизнь... – Надеюсь... – Ронд споткнулся на полуслове, но тут же продолжил. – Надеюсь, что завтрашнее утро не омрачит наше счастливое существование. Через пару минут я накрою на стол, и давайте – подходите.

«Вот именно, „счастливое существование“? Разве оно, это наше „счастливое существование“, изначально может быть счастливым? Существование – это проживание, а не полноценная жизнь!» – молниеносно просвистело в сознании Эйва и кольнуло с болезненной неприятностью в самое сердце.

– Хорошо-хорошо, – тут у Эйва неожиданно закружилась голова, все безудержно поплыло в голове, он осторожно поправил на запястье лапки жетон, нервно вращая глазами, будто резвый косой заяц на солнечной майской лужайке в ожидании, откуда прилетит смертельная опасность, и снова приблизился к оконному стеклу, прислонив голову к тонкой прозрачности, разделявшей мир квартирный и мир запредельный.

Домашний вещатель – телевизор – под крохотным, ужаленным коготком Ски нашел заслуженное успокоение и крепко-накрепко уснул до утра.

Уставший, умаявшийся мураш уныло подступил к единому-утробному ложу, угрюмо уместившемся в правом ближнем углу комнатного убежища, что напротив окна, и, быстро скинув рубашку, будто бы освободившись от угнетающей уздечки, угрюмых оков, удерживающих униженного узника, убаюкиваемый умеренным узором уличного урагана, утомленно упал, упорхнул в универсальный мир, предвкушая сладкий сон, угасающие усики упредительно качнулись, и лишь умильная улыбка украсила узколобый профиль утихшего муравья. Упоительная услада... Уик-энд улетно ужи-

мался и ужимался... Упакованный под завязку субботний день упредительно уползал, ускользал неуловимым ужиком в бездонную временную пучину. «Уймись, уймись же уже, без всяких там утопий, и упорно упахивайся до улета сил... без ультрамодных умничаний, таков твой удел! Утро унесет упаднический настрой, утопи условности уже, утопи их...» – учтиво ущипнул сам себя Ски и устыдился усушенному унынию. – «Узкие узелки судьбы никто не развяжет!» Течение мыслей, вроде, утихло, но только вроде, и он вдруг устыдился беспомощному своему состоянию: «У-у-у... Что же муравьи могут упредить в судьбе? Что могут успеть сделать? Что я сам могу?..»

Буквально через минуту, точно по учрежденному Уставу, раздался звонкий голос Ронда, призывавшего к легкому ужину:

– Всё готово! Вэлком-вэлком! Вы обо мне не забыли?! Вас ждет чай и небольшие вкусности! Давайте пошустрее!

– Да идем, идем-м-м! – в один голос прожужжали Эйв и Ски, переглянувшись, что-то между собой еще иронично хихикнули и направились на кухню.

В центре уютной кухни располагался небольшой вычурный треугольный стол с аккуратно закругленными углами – рассчитанный как раз на всех обитателей однокомнатной квартиры, – объект авангардной мебели. Стеклопанельная столешница слегка подсвечивалась

встроенными нежно-зелеными неоновыми лампами, создавая по-домашнему теплое уютное настроение. Вечером можно было не включать верхний свет, а наслаждаться подсветкой стола, что делало чаепитие по-настоящему домашней интимной традицией.

На столе ароматно дымился чай, безмятежно заполняя всю кухню сладостной мятной свежестью. «Точно так же приятно сквозило всегда у нас в интернате!» – отметил про себя Эйв. Над столом сосульками свисали три ярко-зеленых колокольчика – простецки-незамысловатая лампа. Один из стеклянных самоцветных цветков садил приглушенным светом, растворяя вечерние посиделки. С какой целью Ронд ее включил, хоть и не на полную мощность, а всего на треть – было неясно.

Все трое аккуратно, чтобы случайно не обжечься, переливали душистое содержимое из одной кружки в другую, прямо-таки «пензионерским способом», как язвительно заметил Ски. Безмолвная тишина. Всемирная тишина. Пожалуй, немного грустная... Слышно лишь дружное журчание охлаждаемого чая.

Ни с верхних, ни с боковых квартир не было слышно ни единого звука. В соседних квартирах, во всем огромном здании в эти минуты тоже наслаждались традиционным чаепитием. Да, именно во всем сорокаэтажном стеклянно-бетонном кубике. В многоквартирном доме, который принадлежал, впрочем, как были собственностью и десятки дру-

гих, точно таких же строений, известному не только в городе, но и во всей стране промышленнику Тейку Ди. Чтобы устроиться на работу на его завод радиотехнических деталей, где пожизненно трудились Ронд и Эйв, и чуть позже появился Ски, или на известный автомобильный гигант, или на один из заводов оборонно-промышленного комплекса, достаточно было одного! Всего одного-единственного! Надо было просто-напросто родиться счастливым! Его рабочие были обеспечены всем необходимым для безбедного существования: им предоставлялась оплачиваемая жилплощадь и вполне приличный заработок! Оставалось только одно – самоотверженно трудиться не покладая лапок, не останавливаясь ни на минуту. Трудиться, трудиться и трудиться!

С раннего детства будущие рабочие индустриальных гигантов Тейка Ди добросовестно воспитывались в специализированных интернатах. За долгие годы, да можно точно сказать, что и за долгие столетия развития муравьиного общества, сама собой выстроилась стандартная схема заботы о тех, кого вырастили, воспитали, выучили, «выпустили в жизнь» – их полная и абсолютная самоотдача, их труд, не терпящий условностей. Родили, вырастили, дали мало-мальское образование, плюс специализированное для работы на фермерском хозяйстве или предприятии. Никто из воспитанников учреждений не знал, есть ли у них родители или нет. Именно в этих, широко распространен-

ных, интернатах малолетним муравьишкам прививались навыки работы, как образа жизни-самопожертвования, полной и беспринципной самоотдачи: по несколько длительных (для детского неокрепшего, порой искренне-наивного сознания – просто бесконечных) часов в день они без устали орудовали суровыми инструментами, сначала с наивными ошибками, затем – постепенно нарабатывая навыки, а потом уже – «на автомате», проворно и с неподдельным энтузиазмом закручивая непостижимые детским умом детальюшечки; немного подрастая, мурашки проводили почти все «свободное время» (так называемое – «свободное от работы») на сборочном конвейере в цехах завода, выполняющего государственные заказы для оборонной промышленности, тогда-то они и впервые слышали непонятное слово «вооружение», и стали гордиться (ведь им именно так и сказали: «Гордитесь, вы работаете на великое дело!»), что помогают своим доблестным трудом любимой Родине в нескончаемой вековой войне с враждебным агрессором, который был необозримо далеко! Дальше, чем казалось многим взрослым, и ближе, чем воспринималось детьми.

ЗЕЛЕНЫЙ

Амина очнулась и приоткрыла глаза, глухо и напряженно вздохнула, вбирая воображаемую свежесть, и сразу, буквально, в одно дивное мгновение, погрузилась с головой в волшебный, фееричный сказочно-шумный мир: здесь и там звонкие бледно-лимонные кузнечики без устали, наперебой соревновались в искусстве стрекотания, будто на диковинном фестивале в курортном городке; где-то совсем рядом приятно шумела беспокойная река, божественно играя водяными музыкальными переборами на каменистых порогах, словно на арфе, теплый южный ветерок весело забавлялся с молодой листвой, поглаживая, щекоча хрупкие веточки по только распустившимся пушистым листикам, пара совсем еще юных стрекоз чуть слышно пролетела перед самым носом Амины, догоняя друг друга. Солнечные лучики, словно на волшебном фортепиано, выписывали жизнерадостную мелодию.

Над самой головой Амины, где-то на ветке, быстро и искусно громко свиристелила что-то на своем языке серо-зеленая птица, призывая весь окружающий мир к наслаждению природной красотой. То ли многослойное сонливое одеяло укрывало Амину и не отпускало от себя, то ли непредвзятая объективная явь, – все спонтанно перемежалось в беспокойном, и столь обольстительном море сознания: в голо-

ве муравьи по диагонали прокатился с шумом титанический шар, и Амина от пугающего шума закрыла глаза, воображаемый шар отчаянно ухнул «у-ух», и послушно вернулся на прежнее место, замер... Живая реальность исповедалась и, кажется, вернулась к муравьях. Прошлое возродилось, или это нарастало новыми клейкими листочками уже будущее, соединяясь, бесцветно перетекая из одного в другое, и беспрепятственно рождая синтезированное новое, неизведанное...

Вот она безмятежно сидит с Эйвом друг перед другом, и он бережно, и так сердечно держит в своих лапках ее коготки, и что-то бесконечно, пленительно говорит, и говорит, и говорит без конца и края, а она, ослепленная желаниями, одержимо смотрит ему в задорные глаза и поглощает мерными порциями его мягкий рассказ. И тут же художественное задушевное пересвистывание дрозда, и перемешанный в одно диковинное блюдо – аромат будто бы цветущих яблонь, сирени и липовых медовых сот, и снова эта невыносимая духота, и солнечный искрящийся свет, и общий свистящий зуд, и журчание неведомой горной речушки, и шелест весеннего живого травянистого ковра, и легковесное жужжание майского жука, а следом за ним – и парочки гоняющихся друг за другом стрекозок, и падение странного предмета на землю (откуда-то прилетел булыжник, похоже на то), и блеск на солнце удивительных экзотических серебристо-ниточных узоров, которые с раннего утра насочиняли в забыты пауч-

ки, – все это одной, общей картинкой, выскакивает в сознании, словно заброшенный спиннинг умело подсекает крючком в бурной реке и молниеносным рывком выдергивает доверчивую форель, – все это возвращает Амину на лесную полянку...

Еще не совсем отойдя от беспокойной полудремы, постоянно прерываемой пробуждениями, муравыха пыталась смотреть далеко-далеко вперед и видела только яркий свет и мутноватые очертания бурых пятнистых деревьев, она изо всех сил постаралась сосредоточиться на березке, на камушке, начинавшем обрастать мхом, на бабочке, что решила отдохнуть на этом самом булыжнике, но, к сожалению, у нее ничего толком не получалось, – впереди нервно маячили лишь фантомные контуры, едва сводившиеся к единому образу, как тут же снова мифически раздваивались, расстраивались и бездушно уходили в небытие, в полупрозрачный пыльный жар. Амина продолжала глубоко дышать, полулежа, возле раскидистой березы, пухлявые почки которой практически полностью раскрылись, и приятно веяло свежестью чистейших молодых листочков, но пошевелиться у муравыхи возможности не было: неопределенные внутренние силы жестко и бескомпромиссно сковали ее, будто безнадежным параличом, и ни на минуту не отпускали с момента пробуждения. Во всем теле – молниеносно нарастающее, нагнетающее чувство беспокойства и необъяснимой паники, обезоруживающего страха. Чернеющая тревога в дребез-

жащем воздухе судорожно, с подчеркнутой озлобленностью, прочертила белыми аляповато-широченными полосами перекрестия, словно на расстоянии нескольких метров от Амины находился муравей-невидимка и бессовестно со всех сил малевал известью на прозрачном заборе.

Наивную муравыху от этого необычного миражного видения бросило в легкий жар. Здешний ветерок неожиданно сменился и прямо в нос Амине вдарил резкий запах горелого дерева, она мгновенно посмотрела в сторону, откуда прилетел неприятный аромат, но ничего и никого не увидела.

«Сплошные гадости! Надо пережить этот день, потом будет полегче!»

Обеспокоенная муравыха чуть слышно утробно хмыкнула раз-другой, и ей показалось, что птичка-хулиган, пересмешник, где-то в кустах ее передразнила, Амина еще раз сделала усилие и попробовала что-то произнести, но из пересохшей глотки выкарабкался наружу невнятный сухой хрип. Она привычным движением осторожно поднесла лапку сначала к петиолю⁵, затем к набухшему животу, как бы проверяя на месте ли ее сокровище. Кругленькое упругое тельце хранило новую, бесконечно дорогую ей жизнь.

Амине припомнились обрывки тревожного и нервного сна, который ей привиделся только что. Последнюю пару часов она беспокойно дремала, постоянно просыпалась и сно-

⁵ *Петиоль – особый сегмент, соединяющий брюшко с грудью, благодаря узкому стебельку образуется «осиная талия».

ва жахалась и утопала в том же сне, что был и до этого, и так продолжалось, пока она окончательно не пробудилась.

«О-о-ох, что за странности нашего организма? Загадки сплошные... один и тот же сон, один и тот же сюжет прокручивается по нескольку раз? Мы где-то что-то недовыполняем, или что? Или надо сменить тактику поведения? Что-то полезное вынести из этого сна? Несколько раз – это как напоминание или что? Загадки разума... Может, напоминание, что мы неправильным путем пошли, и надо вернуться в начало лабиринта своей судьбы. Ну, а если уже слишком поздно, и ничего нельзя изменить? Бывают разные жизненные ситуации... Иногда кажется, что каждый из нас периодически возвращается в начало этого самого лабиринта, который... Нет, пожалуй, в начало нельзя вернуться! Конечно же, нельзя! Каждый из нас возвращается в определенную точку, где уже проходил, где уже был... и, вот, мы стоим и размышляем: „Ну-у-у, ведь в прошлый раз я пошла в эту сторону, а вернулась снова сюда, и куда же мне идти теперь? Вот куда? Это замкнутый круг?“ Есть еще два или три поворота... случается так, что есть... и мы отправляемся опять-таки с наивной надеждой преодолеть этот чертов, так и подмывает горячо-ругательно выразиться, но, ладно, просто – чертов лабиринт с помощью высших сил, идем-идем, но, в конце концов, возвращаемся в третий, и в четвертый, и в двадцать четвертый раз на тот же самый перекресток. Спрашивается – ну-у-у, почему? Да-а-а... спрашивается, но ответов не дано...

надо вставать и идти, посеяв надежду и рассчитывая только на свои силы... еще бы кто ответил на наши вопросы. А кто ж на них ответит, как не мы сами... значит, вывод — встаем, как бы не было тяжело, и пускаемся снова в путь на поиски истины, счастья, мечты и всего-всего остального!»

В провальном, скомканном сне муравьиха спокойно сидела, развалившись в мягком кожаном кресле, возле тонированного овального окна в новеньком, сверкающем каждой деталькой, вагоне скоростного поезда, уверенно летевшего по бескрайнему пшеничному полю. Где-то вдалеке туманились, виднелись сумрачные очертания города: черные заводские трубы выпускали клубы дыма, похоже, никогда не иссякающие, редкие многоэтажные дома торчали ошестинившимися иголками-исполинами на фоне других кубиков-домов. С каждой секундой мегаполис все больше и больше удалялся от поезда.

«Мы же, вроде, должны приближаться к городу, ехать к нему, а не уезжать куда-то в далекие края, от него...» — пыталась разумно размышлять Амина во сне, но состав, слегонца плавно покачиваясь, все удалялся и удалялся от чуждого поселения с довольно приличной скоростью. — «Как так? Ну, как так-то?» — с расстроенной спонтанной безнадежностью вздохнула муравьиха.

Бледный, бездушно-печальный солнечный диск едва проглядывал из-за набухших дождевых туч, на удивление на-

поминавших рябое вымя тельной коровы, готовой к дойке, и которые были настолько полны, что добросовестно ждали только одного, – малейшего сигнала божественного грома, чтобы освободительно разродиться беспощадным, тропическим ливнем. То ли от того, что стекла в безупречно новоиспеченном вагоне были старательно покрыты светоотражающей серо-синей пленкой, которую наносили для того, чтобы яркие солнечные лучи не мешали нежно-панцирным пассажирам, то ли от надвинувшейся жесткой мраморности погоды, то ли еще от чего, угрюмый пейзаж, мерно проскакивающий за границей иного мира, казался еще более угнетающе-мрачноватым.

В бархатных кукольных лапках Амины нашла приют пухлявая игрушка – смешной слоненок, – герой из известного старого мультфильма, – белесо-розового цвета: мягкий хоботок, бескомпромиссно загнутый вверх дугообразной трубой, невинно призывал к веселому настрою, выпирая над забавной веснушчатой сине-салатной кепкой, укрепленной на пухлявой голове, блинчато-овальные, безумно огромные уши, казалось, служили слоненку для того, чтобы он мог с легкостью преодолевать расстояния, перелетая с места на место. Сначала он сидел смиренно и достойно, и был размером с миллипусечного, крохотного котенка, а через минуту-другую неприлично раздулся до пределов гигантской подушки. Полусонная муравыха, чуть заметно улыбаясь самы-

ми краешками рта, крепко обнимала южного толстячка, как самую родную и любимую животинку, и, сентиментально прижимаясь к плюшевому, мягонькому, ангельскому, почти полуживому существу, потому что тот мерно покачивался в такт движения поезда, уморительно странно мигал искусственными пуговками глаз, очаровывая искрящимся светом, и невнятно двусмысленно мычал себе под нос, – по крайней мере, – так казалось Амине, чувствовала себя намного легче, стараясь совсем не думать ни о сумасшедшей скорости, с которой свистел состав, ни о пасмурной, колючей, угнетающей погоде, ни о том, что происходит за недобрым окном, ни о том, что где-то там, очень – очень далеко остался ее незавершенный репортаж об интернатах и даже ни о том, что ждет ее впереди.

Светлый просторный вагон был полон пассажиров, все сидели в таких же комфортабельных креслах, что и она. Кто-то беспокойно дремал, нервно и громко посапывая, посвистывая сквозь сахарные дырочки ушей, и, в то же время, тревожно шевеля верхней парой лапок, – похоже, в эфемерном забытии беспомощный муравей старался выползти, выкарабкаться из какого-то невероятного завала, вычищая себе путь и выбираясь на спасительную поверхность; кто-то невозмутимо разговаривал вполголоса на философские темы с соседом по дороге; довольно прилично одетый пожилой муравей, так малиново-нежно расположившийся в кресле напротив Амины, уткнувшись в книгу мордочкой, акку-

ратно осваивал толстенный исторический роман; два шевутных муравья-солдата в полном походном обмундировании, каким-то странным образом попавшими совсем в неформатный для рядовых военных «бизнес-класс», складно устроились, повернувшись друг к другу почти вплотную, и о чем-то беседовали, активно жестикулируя лапками. Со стороны их оживленный диалог казался весьма забавным, и Амина, глядя на эту сценку, широко улыбнулась.

Дверь вагона звонко бряцнула и бесследно утонула где-то в стене, пластиковые профильные салазки равнодушно захватили ее в плен. В вагон почти влетел комичный муравей-подросток, наряженный в свеженький, чистый, как будто только из химчистки, костюм веселого собаке-на: на голове курьезно возвышалась мордочка кокер-спаниеля, лохматые велюровые ушеники безвольно свисали до самого мезонотума (средней спинки)⁶, верхние и нижние лапки достоверно двигались, повторяя движения домашнего питомца. Прилично сложенный костюм отлично смотрелся на вошедшем, и если бы не ложкодегтярный завершающий элемент – мордашка куклы над головой артиста, то все смотрелось бы просто великолепно, без каких-либо недочетов. Возможно, надо было придумать каким-то другим образом: поразмыслить и приспособить, чтобы махровая маска добродушного пса одевалась прямо на мордочку муравью-артисту. Вслед за забавным кокером буквально вполз на четве-

⁶ *Мезонотум – средняя часть спинки.

реньках, вкатился колобком пузатенький мураш, разодетый в пестрый, разноцветный костюм то ли солдата, то ли пожарного из прошлого века, с ажурно вышитыми кругляками-погонами, обвешанный (явно с перебором) со всех сторон сверкающими вычурными аксельбантами, точно серпантином новогодняя елка, он мгновенно поднялся и выпрямился во фронт. Ростиком воинственный штрумпель вышел небольшого, скорее даже маленького, он едва дотягивал как раз до лопушистых ушей кокера. Двое артистов зависли в ледяной позе, пародируя известное мифическое скульптурное изваяние, из небольшого спортивного рюкзачка, ловко прикрепленного переплетенными лентами к заднеспинке⁷ спаниеля, зазвучала энергичная музыка, и пара принялась вытанцовывать под ремикс классического произведения, почти успешно ловя такт, и даже успевая подпевать какой-то неведомый зрителям текст. Амина так увлеклась неожиданным концертным зрелищем, что всем своим нутром почувствовала, прочувствовала, как ей хорошо, как приятно наслаждаться простецким цирковым номерком, исполняемым обычными поездными артистами. Она хотела было достать монету и подбросить в ядовито-рептильного цвета ведро, но, активно пошарив по широким карманам, ничегошеньки не нашла и решила продолжать наслаждаться представлением дальше. Вот серебристо звякнула первая монетка, – ее ловко закинул в пользу артистов сосед Амины, он на минут-

⁷ *Заднеспинка – часть спинки, следующая за мезонотумом.

ку отложил свой исторический талмуд и, необычайно широко улыбаясь, так сладко, что аж медовая слюнка побежала с левого краешка мускульных губ⁸, по-доброму пристально рассматривал бродячих циркачей. Раззадоренной не на шутку Амине снова стало как-то не по себе, и она снова нервно заерзала, зашевелилась, зашебутинулась, принялась обыскивать карманы уже на который раз, но все они были напрочь пусты, но вот – настоящее чудо, – наткнулась на спасительный серебристый потертый четвертачок, и незамедлительно решила, что он намного нужнее этим веселящимся ребятам, чем ей, она, смущаясь, довольно неуклюже поднялась с места, не выпуская из рук родного слонишечку, шагнула раз-другой и каким-то нескладным движением лапки одарила своей щедростью выступающих. Веселящийся кокер краем глаза зацепил, что Амина закинула звонкую монету, задорно кивнул ей двойной головой и продолжил танцевать. Солдат уже разошелся не на шутку: он по взвинчивающейся нарастающей, все больше, изощреннее и яростнее танцевал, и его, как будто заведенные, лапки легко и просто выделяли невероятные кренделя, которым можно было только позавидовать, и голосил, голосил, голосил «во всю ивановскую», что как-то... как-то начинало раздражать многих пассажиров. Выступающая процессия стала непринужденно продвигаться дальше по просторному вагону, успешно собирая себе на пропитание. Кто-то с легкой охотой расставался

⁸ * Мускульные губы – ротовые части.

со своими кровными, другие же просто равнодушно глазели, позевывая, на представление и сидели без движения, будто ничего особенного не происходило, но были и такие, кто в такт энергичной мелодии дружно поддавал лапками, чем самым еще более подзадоривал дуэт. Но, как пришел праздник в вагон Амины, так он и ушел, растворился: неожиданно, спонтанно, непредсказуемо. Звуки стихли и резко оборвались, не дожидаясь окончания композиции.

В это время гулко, оглушительно, протяжно за окном, по ту сторону заоконного ирреального мира, сипло прошипело два двойных свистка: «Вши-вши-и-и, вши-вши-и-и!» – как это бывало раньше, на старых, изъеденных временем, громогласнодышащих монстрах-паровозиках, и, будто бы огорчившись, что не смог выиграть гоночные состязания, угрюмо поплелся тихим, ленивым ходом.

Отдыхающая Амина скользнула волнительным взглядом по иллюзорной глади нежно подрумяненного закатом оконного стекла, но не была настроена на романтическое созерцание всей красоты природной картины, тем более что через пару секунд в вагон ввалился богатырского телосложения муравей-кондуктор, нервенно оглянулся, шагнул было назад, но тут же вернулся, недовольно буркнул кому-то стоящему в сером тамбуре, резко задвинул дверь, и мощным, раскатистым баритоном вежливо попросил пассажиров предъявить документы на проезд.

Иногда случается, что плывешь безучастно на жалкой лодочке по дремотной и капризной реке своих путающихся мыслей, то летящих стремительно, то флегматично падающих плашмя, то воодушевленных на прекрасные, безумные подвиги, а то пессимистично отлеживающихся на самом холодном дне, совсем без сил и без малейшего призрачного желания подняться, и, что удивительно, ведь совершенно не замечаешь окружающий тебя пейзаж, реальность проскакивает серым, однотонным, безучастным фоном, и не различаются ни цветные краски, ни образы, ни звуки, ни запахи, ничего-о-о... Сплошная серятина.

Изморившаяся от монотонной, изнурительной, убаюкивающей дороги, муравыха про себя анемично отметила, что живая картинка за пределами искусственного вагона, без усталости струившаяся непрерывной конвейерной лентой, кардинально сменилась на более жизнерадостную: угрожающие неприятельские тучи, чего-то, видимо, испугавшись, уже верно рассеялись, но скупое, бледное, восковое солнце, почти совсем бесцветное, такое огромное и косое, пока еще оставалось за розовой перистой, будто разорванной в клочья, мягкой ватой облаков, а недалеко, всего в каких-то полусотне метров от железной дороги красовались невысокие изумрудно-зеленые волнообразные холмы, поросшие сплошь мелкими кустарничками бузины, местами кое-где с расцветшими жемчужно-наливными звездочками-цветочками.

Неспеша повернувшись в сторону пассажиров, Амина

неожиданно обнаружила, что мягкой игрушки в лапках у нее уже нет, она попросту безвозвратно и скоропостижно растворилась в запредельной параллельности бытия. Только что была, и уже ее – нет...

«Ну, что ж, нет, так нет! Случается и такое, порой... Неприятный, так скажем, сюрприз...» – с ровным спокойствием переварила пропажу муравьиха. Она лениво, тягуче, неспешно, словно зимняя сонная муха, достала из простенькой дамской сумочки чуть помятый билет, попробовала распрямить его, но у нее ничего не получилось, и она заторможено протянула его приблизившемуся работнику железной дороги. Тот совершенно не торопился брать предоставленный талон. Тогда Амина с колючей прохладцей подняла на стоящего напротив кондуктора глаза, и каково же было ее удивление, когда она увидела перед собой Эйва в форме железнодорожного контролера. Тот радужно замер и улыбался во всю ширь мордочки. Ее ледяное состояние в одну секунду растаяло, будто дрейфующий айсберг пригнали на линию экватора и он в считанное мгновение исчез в океанских просторах, став частицей мирового водного царства.

– Ах-ха-ха! С днем рождения, родная моя Амина! – Эйв светился, искрился, мерцал энергетическими эфемерными звездами радости и любви, которые, казалось, стали видимыми вокруг него. Амина не могла поверить – он ли это перед ней. – С днем рождения тебя поздравляю! С дне-е-ем

твоего великого рождения! Как твоё настроение, на «пять», надеюсь? Я-то уж точно знаю, что у тебя все отлично! – он произнес это так сочно, так звучно, что все пассажиры в вагоне стихли и посмотрели в их сторону.

– Да-а-а-а настроение так себе-е-е-е... – затяжно протянула удивленная муравыха. – Вчера, вроде, было на «пять», или даже на все «пять с плюсом», а сегодня – даже... – Амина вздохнула, перевела дух и продолжила, – даже и не знаю, что сказать... Вроде бы, все в полном порядке, все хорошо! А ты – как? – ошарашенная неожиданной встречей Амина влюбленно смотрела на загадочного Эйва, и все никак, ну, никак не могла понять, откуда он тут появился.

– Ну-у-у, ты же девушка у нас – достаточно ву-у-у-умная, считать прекрасно умеешь! Умеешь, ведь, а-а? Я точно знаю – умеешь! Раз, вчера настроение было на «пять», значит, сегодня – уже на «шесть», а завтра – будет на все «семь»! А-а-а? Так, и только так будет! Я тебе точно говорю, даже ни минуты не сомневайся! Все отлично, посчитай: от одного до пяти! Нет, лучше – до десяти! И всего делов-то! Ты чего замерла? Улыбнись, давай! Ну-у-у, улыбнись, солнце мое! Слушай меня, и все будет супер!

– М-м-м, интересно ты говоришь, Эйв! А разве такое возможно? – Амина, часто-часто заморгав от свалившейся неожиданности, наконец-то начала оживать и приходить в сознание, и ехидно прищурила глаза, беспощадно просквозив взглядом остолбеневшего Эйва.

– Еще спрашиваешь? Конеч-ч-ч-чно, возмож-ж-жно! Все возмож-ж-жно! – торжественно воскликнул Эйв и, энергично хлопнув в ладоши, игриво провернулся вокруг себя, стоя на одной лапке. – В нашем мире вообще ничего невозможного нет, как ты уже знаешь! Вообще нет невозможностей!

– Точно-точно, нет ничего невозможного!

– Да, мы с тобой как-то общались на эту тему. Причем, это недавно было...

– Да-да, было такое... – соглашаясь, промолвила Амина. – Я хорошо помню, ты тогда еще... Ты сказал, что... что...

– Что самое главное в любом деле, – Эйв подхватил забуксовавшую Амину и уверенно потянул вперед, – в любом желании – очень-преочень сильно захотеть, ну-у, и потом... потом еще – выбрать правильное направление и двигаться к достижению этой самой цели, точно расставляя приоритеты. Фишечки двигаешь вперед и идешь!

– Угу-угу! – успела только вставить в монолог разогнавшегося Эйва.

– Надо очень и очень захотеть! А дальше – все по накатанной, так ведь! Все – по накатанной! Ну, и конечно, стараться изо всех сил, работать и работать над решением поставленного вопроса – без этого никак! Без упорного труда – невозможно! Да-а-а, и, конечно же, еще считать. Надо посчитать по порядку от одного до десяти! Вот, собственно, только и всего! Да-да, только и всего... – муравей широко развел в стороны лапки и слегка покачал ими, показывая ка-

кое это – «только и всего»...

– Да-да-да, я помню, конечно, помню, да! Только так и надо жить! Ты – прав! Любой муравей может многое. Не помню, запамятовал совсем, кто сказал, но кто-то из этих самых... из великих. Он сказал так: «Муравей может все, но вот только ему обычно мешают лень, страх и низкая самооценка!»

– Лень – это точно не про нас. Но вот, почему-то... эх-х-х... почему-то не получается так у меня, у нас... много у кого не получается... – муравьица на эмоциях наконец поднялась с места, и хотела было обнять Эйва, но он беспощадно выстрелил скороговоркой:

– Тс-с-с, а это – небольшой приятный подарочек тебе на день рождения! Поздравляю от всей-всей-всей моей влюбленной-превлюбленной души-и-и и желаю... хм-м-м... – тут он слегка поперхнулся, но через секунду-другую снова воспевательно продолжил, – и желаю, очень масштабно так желаю тебе, чтобы всегда сбывались все-все твои мечты – маленькие, средние, огромные и, даже, преогромные! Пусть все сбывается! Все-превсе, что ни пожелаешь! А-а-а, я, по возможности, буду помогать в их реализации! И, конечно же, пусть в твоём мире светит солнце и пусть у тебя все будет на «отлично»!

И заканчивая последнюю фразу с ударением на последнем слове, Эйв указал лапками на впархивающего, словно в невестомости, в вагон муравья, который триумфально держал то-

го самого мягкого розового слоненка, мирно сидевшего еще несколько минут назад у нее в лапках.

«О-о-ох, ну и дела-а-а! Денек сегодня выдался! Повально – одни твердокаменные загадки и головоломки!» – искренне обрадовалась и удивилась одновременно Амина, она с распростертыми лапками приняла, отметив про себя завистливые взгляды вагонных путешественников, умильный подарок и мягко погрузилась в спасительное кресло. Ошарашенная взрывной волной сплошных сюрпризов, муравыха хотела только на мгновение взглянуть на бесконечно мелькавшие синусоидой за скользким окном серо-оливковые холмы: то вырастающие в огромные, островерхие, горбатые, дремотные горы, то почти распрямляющиеся до шагренового, полуголого, угрюмого степного рельефа, и бесследно тающие в пушистом ультрамарине горизонта, но мимолетный взгляд ее крепко-накрепко примагнитился, прилип и уже не мог оторваться от зачаровывающего, пробегающего мимо пейзажа. Только вроде настроившаяся на более-менее положительную мелодию погода, снова резко менялась в худшую сторону. Трагичные, мрачные тучи бесцеремонно и грубо растолкали цветные пушистые подушки облаков, и безжалостно окружили со всех сторон солнце, вынуждая его к безоговорочной капитуляции.

«Похоже, все-таки без хорошего дождя не обойтись! Во-он тучи какие надвигаются!» – с досадой подумала муравыха, а вслух громко произнесла, продолжая смотреть в окно,

будто замороженная:

– Какой сегодня день, Эйв, подскажи, пожалуйста, а то я уже запуталась! День недели какой?

Странно, но ответа не прозвучало, а непрерывно-скачущие холмы уже закончились, они постепенно переросли в величественные, неприступные горы, вокруг которых струилась серебристой ленточкой железная дорога. У самого подножия одной из отлогих, морщинистых гор беззаботно дремала скромная деревушка: десятка три бревенчатых старых, но крепеньких домиков достойно оживляли бурую насыпную возвышенность. Из окна летящего поезда было видно, как несколько беспокойных муравьев-крестьян живенько перегоняют большое стадо тлей на новое пастбище, беспрестанно прикрикивая на них и подстегивая кнутами. Сквозь плотное вагонное окно странным образом просочился, долетел ароматный букет цветущей лаванды и меда.

– Я спрашиваю, какой день недели сегодня, Эйв? Ты чего молчишь, а? Молчишь... чего?.. – Амина наконец смогла оторваться от законного царства и посмотрела в сторону друга. – Эйв, Эйв, ты где?

Но того уже не было на прежнем месте. Слоненок, божественный детеныш, мирно спал в добрых лапках муравьи. Болезненно-яркое освещение в вагоне на пару секунд пропало и тут же зачетно вернулось. Амина с некоторой осторожностью поднялась с места, огляделась с беспокойством, лихорадочно обыскав глазами все пространство вагона, но,

так и не обнаружив Эйва, жестко плюхнулась обратно в кресло, ч-ч-чихнула, и с запредельно-крепкой нежностью обняла бесценную игрушку, закрыв глаза. Надвинулась плотная тишина.

«Очень надеюсь... я очень надеюсь, что все обустроится, и я скоро приеду к своей цели! Без каких-либо неприятных приключений. Просто приеду и все! Поскорей бы уже встретить Эйва... еще бы точно определить, какая сейчас эта моя цель! Неужели, снова впереди маячит этот вопрос, наверное, наисложнейший вопрос – определить цель, к которой требуется двигаться?» – со вздохом подумала Амина во сне и пробудилась.

«Итак-итак-итак, делаем вывод из... о-о-ох, из сна – надо постараться, очень уж надо постараться понять самую себя и определить цель на данный отрезок жизни! И тогда все будет намного проще... будет – просто великолепно!»

Осторожно протерев глаза, Амина наконец-то смогла сфокусировать зрение на стоящем невдалеке, всего каких-то шагах десяти, громадном, ветвистом, пепельно-угольном дереве со свисающими гроздьями невероятных коготков. Тут муравыха ясно разглядела, как от могучего сказочного исполина с присвистыванием отделился, отпочковался живой черный силуэт, хотя... хотя, уже через каких-то несколько минут она клятвенно для себя решила, что произошедшая впоследствии сцена ей все же померещилась. К опешившей

поначалу Амине спокойной, флегматичной походкой приблизилась, подплыла на светло-зеленых, изумрудных, фиштаксовых нежных волнах по травянистой полянке, довольно-таки странная муравья, причем одетая точно так же, как и сама Амина, прямо до самых мелких мелочей, будто бы зеркальное отражение: и потрепанный светло-голубой джинсовый комбинезон с целым рядом узких карманов на правой штанине для рабочих инструментов, с экзальтированно вышитыми бело-синими лампасами, и легкая рубашка в клетку-многоцвет, и сверху летняя ветровка ядовито-зеленого цвета с двойными узенькими погончатыми стрелками, догоняющими одна другую, и легкие белые ботильоны спортивного типа, и еще удивительное совпадение – она была тоже беременная, на таком прили-и-ичном сроке... да, и что самое главное, самое поразительное, после чего Амине-первой сложно было трезво соображать, – «подошедшая Амина», «Амина номер два», была точь-в-точь похожа на саму нее.

– Ну-у-у, и как твои-и-и дела-дела? – уверенным бархатым голосом нараспев спросил двойник муравьи, хотя рот ее не отрывался. – Очень рада тебя здесь встретить, давно уже поджидаю...

– Да-а-а, дела хорошо идут, все ровно так... все отлично! Все хорошо у меня! – Амина-первая неспешно отбила пробный удар, и слегка удивленная осмотрелась вокруг по сторонам, с легкой надеждой ожидая, что может быть и появится

кто-нибудь хоть кто-то, и спасет ее, поможет ей в нелепой ситуации, но, как и бывает в жутких историях, ни одной живой души на поляне не было.

– Ты в этом уверена, м-м-м? Ты – какая-то растерянная...

– Да, все в порядке!

– Ты уверена, в том, что говоришь, м-м-м? – упрямо и напевно настаивала на пессимистичном ответе подошедшая. – Мне... знаешь, мне почему-то кажется, что не все так уж и отлично и прекрасно? Столько всего навалилось в твоей жизни, и ведь навалилось разом... Бывает такое... Разве не тяжело тебе? А если мне что-то кажется... в общем, мое чувство редко когда подводит...

– Слушайте, спасибо за беспокойство, но я...

– Да всегда – пожалуйста! – перебила муравыха.

– Спасибо-спасибо, я совершенно точно уверена, что у меня все отлично! Отлично у меня! – четко мгновенно отпарировала Амина и ее неуверенный взгляд остановился на подошедшей. Тут Амина отметила про себя, что эту молодую муравыху она уже где-то встречала раньше, но шаловливый разум никак не мог согласиться с тем, что это она сама и есть, это и есть Амина-вторая.

– Ну, хорошо! Хорошо-хорошо, пусть так, как скажешь? Отлично!.. Мне стало просто интересно, я...

– Действительно! – Амина скорострельно посмотрела куда-то за спину неизвестной и отметила, что на той же полянке, на их общей поляне, только на противоположной стороне

происходит та же самая, тот-в-точь сцена: одна Амина (теперь уже Амина-третья) – беременная, изможденная, уставшая и в полудреме сидит и общается с Аминой-четвертой, о чем они беседовали – не долетало до муравьихи.

– Почему-то сердечко екнуло и... вот решила спросить у тебя про жизнь... – с занозкой в голосе продолжала Амина-вторая.

– Я понимаю, понимаю. Но у меня... все у меня превосходно, правда! – отвечала Амина, а сама смотрела дальше за сценкой на противоположной стороне полянки, которая застопорилась и никак не развивалась: обе муравьихи мирно беседовали.

– Пусть будет «отлично», если ты так считаешь, – снова вклинилась в сознание Амина-вторая.

– Да, спасибо, пусть будет так! И только так!

– Тут же как... На обусловленном уровне все взаимосвязано: все, что мы вкладываем в мир, неизменно возвращается к нам! Все прилетает к нам бумерангом. Ты говоришь «отлично», значит – тебе и вернется высшая отметка.

– Точно, так оно и происходит!

– Конечно, точно!

– Разве это кто-то отрицает? Я всегда придерживаюсь этого же мнения... даешь миру добро – вернется сторицей... так что...

– Вот и очень хорошо! Я – безгранично рада! Безумно рада, что у тебя все отлично! Пусть будет и дальше легко

и гладко! – неожиданно хлестко оборвала Амину незнакомка, резко развернулась и пошла прочь. Амина только и успела вслед послать ей короткое: «Счастливо Вам!» – как та бесследно растворилась за ближайшими деревьями. Недоумевающая Амина не успела усмотреть, когда отстраненная «зеркальная» парочка на дальней стороне полянки разошлась, – сейчас никого не было. «Мозги совсем набекрень в последнее время!» – отрешенно подумала про себя Амина.

Солнечный блин, пульсирующий бесконечным позитивом, еще не успел подняться достаточно высоко, но его жгучие, безжалостные, всепроникающие щупальца уже нещадно обжигали землю. По бескрайне-голубому небесному полотну плыл один-единственный золотистый, кружевной облачный пухлявчик, похожий на космогоническую сонную рыбу.

Утренний жар предвещал тягостный, мучительный и неприятный день... Крохотные надоедливые мушки одна за другой так и липли на открытые части тела, – на мордочку и верхние лапки, не отставали и непримиримо тиранили. Амина без конца и края отмахивалась от нервной назойливости мелкоты.

«Достали, достали, достали! И что им от меня надо-то?» – Никак не могла взять в толк черноглазая красавица.

Возле задних лапок муравьихи прошелестел небольшой скользкий сопливо-зеленый шнурок и скрылся в густой траве.

«Ну-у-у, и где я? Где я сейчас? Что же будет дальше? Кто мне может помочь?» – одна за другой беспокойные мысли молниеносно вырастали до самых заоблачных небес и становились могучей, непреодолимой каменной стеной. «И ведь, на самом деле, не все так уж и отлично, если чистосердечно признаться себе самой!» – Амина тяжело вздохнула и вспомнила недавнюю гостью.

– Ты что-ой-то тут делаешь? – неожиданно перед мечтательной Аминой вырос незнакомый муравей. Откуда он возник – Амина не смогла объяснить себе даже после его ухода. Просто вдруг молекулярно проявился, по-видимому, сняв волшебную шапку-невидимку, из нагретого лесного воздуха – как сказочный джинн. – Привет-привет, странствующий колобок! Давай-давай, рассказывай, как тут очутилась!

Первый раз в своей жизни она видела такого необычного темно-бурого великана, как ей показалось, с внушительный грузовик-многотонник. Выразительные, почти прямоугольные серо-зеленые глаза пристально смотрели на нее, внимательно изучая муравьюху, по вискам путешественника лениво сползали капельки пота. Бесконечно-длинные седоватые усики незнакомца слегка шевельнулись, похоже он не собирался никуда уходить, не получив ответа. На его безразмерной кочерыжке, как влитая, сидела белоснежная пластиковая каска, такого же цвета – комбинезон из воздушного материалчика украшенный шоколадного цвета незатейли-

вой двойной пирамидой-эмблемой. Из-за широченного про-
подеума⁹ выпирал еще более мощный рюкзак, на который
со всех сторон было понакручено бог знает чего: какие-то
потертые временем, отдаленной грязно-голубой расцветки
полиуретановые коврики, аккуратно упакованные фольгой
прямоугольные свертки, поверх которых грустили нашлеп-
нутые многовековые, выцветшие этикетки с напечатанны-
ми когда-то радужными штрих-кодами, парочка фонарей:
один – в довольно странном, округлом корпусе, скорее все-
го, – водонепроницаемый, солидного вида, размером с фут-
больный мяч, другой – совсем миниатюрный, будто бы иг-
рушечный, с вытянутой ребристой ручкой и приплюсну-
той лампой, и запасная каска, формой и цветом в точно-
сти копирующая абрикос. В правой лапке он уверенно дер-
жал небольшой топорик с зачехленным лезвием. По окрас-
ке этого самого проподеума – муравьиной спины – отмеча-
ется высокая степень родства между собой некоторых ви-
дов муравьев. Именно на этой добродушной теме «родства
особей» и застопорилось дальнейшее развитие каких-либо
других мыслей беременной особи. Она прекрасно понимала,
что представший перед ней муравей – несколько иного, чу-
жеродного вида, и как он себя поведет в возникшей ситуа-
ции – вот главный вопрос. Но фимиама фатальной опасно-
сти, который обычно «маячит» издалека, она не ощущала,
значит все должно быть в полном порядке. Невольно озада-

⁹ * Проподеум – спинная часть.

ченная появлением гостя, муравьиха несуразно моргала, глаза ее беспокойно бегали, словно сумасшедшие белки в колесном замкнутом круге, но сама она пребывала в позе очо-ченевшего белого медведя.

– Э-э-эй, слышишь? Слышишь меня? Я спрашиваю, как ты тут оказа-а-ала-а-ась? – незнакомец попробовал остановить стремительно мчащийся гоночный автомобиль мыслей муравьихи на скоростном шоссе жизни, но все попытки ка-зались наивно-безуспешными.

Он широко и мягко улыбнулся сидевшей, которая казалась беспомощно заледеневшей, и в тот же миг его арктиче-ская каска покосилась, поехала и чуть было не упала с затыл-ка. Беззаботная выходка «веселой белой каски» позабавила Амину и ее матовые мандибулы слегка приподнялись.

– Да, я...

– Да!

– Я тут проезжала мимо? – с хрипотцой в горле начала оправдываться Амина. – Проезжала, и вот получилось... п-п-получилось...

– В каком эн-н-нто смысле «проезжала», разрешите Вас спросить? Проезжать-то как тут? Тут со всех сторон – никак не проехать, не пройти! – бурый великан недоуменно смот-рел на нее и пытался понять, про что она рассказывает, все также продолжая держать широченную добродушную улы-бищу. – Ты здесь не одна, что ли?

– Почему? Одна я тут... Вроде бы одна!

– Одна или не одна, не пойму? Тебя выбросили? Что случилось-то? – бесконечные вопросы так и сыпались колющими стрелами из любопытного прохожего, а ответы? Ответы не спешили рождаться в легком молочном тумане, в коем пребывала лесная путешественница.

– В смысле? А-а-а, ну да! Вот получилось так, что меня везли в город... Во-о-от... везли в город...

– Так-так-так!

– Да-да, везли в город... А потом, кажется, что-то случилось... Что-то случилось, что-то произошло! И я совсем не помню... не помню, что произошло, – она безмятежно сложила лапки на аккуратно выпирающем петиоле – стебельке, соединяющем брюшко с грудкой, который еще недавно был совсем узким, а сейчас стал непривычно кругленьким. – Что еще рассказать? Когда мы отправились в дорогу, был вечер? Вечер же?

– Ты это меня спрашиваешь? – муравей наклонил мордочку.

– Нет, я думаю... вроде бы вечер был... я так думаю, что был вечер...

– А-а-а, ну хорошо, а дальше? Все же когда Вы, обращаясь к Вам лично, а не ко всей компании, с кем Вы ехали, так вот, Вы лично поехали в городок или куда Вы там поехали? Куда Вы изначально направлялись? Цель была какая-то? – муравей пристально разглядывал Амину. – В каждом отдельно взятом случае, можно сказать, что практически – в каждом,

любой муравей, независимо от статуса, настроения и много еще чего, каждый муравей когда отправляется куда-либо, имеет определенную цель, конечный или промежуточный пункт назначения, так сказать. В Вашем личном случае был пункт назначения?

– Да-да, правильно Вы говорите, был пункт... все Вы правильно говорите, только вот...

– Конечно же, правильно говорю. Неправильно – совершенно невозможно. Если бы было «неправильно», то я бы молчал. И-и-итак, Ваш пункт наз-на-че-ни-я...

– Пункт – это все верно, но что-то не сходится! Утро сейчас, сейчас уже у-у-утро и я ничего не пойму! Все как-то закрутилось, запуталось, завертелось... мы поехали вечером, выехали вечером, а как тут оказались, в смысле – я оказалась, уже и не помню... и где тогда все? Странно... Ничего не могу понять, что произошло! Что... – потерянная муравыха скорострельно выпалила все предыдущее с таким прицелом, что мол: «Я вам сказала как есть, а там уж сами разбирайтесь, что с этим делать, и как с этим жить», и могла бы, казалось, дальше продолжать нескончаемо тараторить в том же духе.

– Да уж-ж-ж, и я никак не пойму, – медленно с расстановкой перебил ее незнакомец, сделав вывод, что ничего толкового от странницы не добиться. – И никаких мало-мальских следов нет ни на траве, ни вокруг поляны! Следов преступления, так сказать, нет! И это не есть хорошо! – он окинул

всепроникающим взглядом ближайшие окрестности и почесал горбинку на лобной лопасти¹⁰. – Просто вообще нет ничего, удивительно! Вроде ни-че-го и ни-ко-го! Главное, надо решить, что же все-таки делать тебе, то есть, теперь уже не только тебе, а – нам, и как дальше, куда двигаться! – еле слышно монотонно затарахтел незнакомец, и чуть добавив громкости, произнес: – Тебе в любом случае надо добраться до города! Тут же тебя не оставишь! Сейчас что-нить придумаю. Раз уж я тебя встретил, то надо помочь, как же без помощи ты одна-то?.. Сейчас придумаю, придумаю!

– Спасибо Вам, за... – снова начала было хрипеть Амина, но муравей уже спешил от нее куда-то бегом.

¹⁰ * Лобная лопасть – на верхней части головы, частично или полностью прикрывающие места прикрепления усиков, находящихся в усиковой ямке.

Глава 3

БЕЛЫЙ

Так уж складываются, словно проявляются и множатся незатейливые нетканые, суматошные узоры слепого лабиринта фатума, словно вырастают хрупкие, ажурные многоэтажные домики из легковесных спичек, простейшие, как прозрачная горная речная вода без ядовитых примесей, или узорно-замысловатые, наполненные и разбавленные всевозможными химическими бродами и магниями (тут уж не нам решать), судьбы с великого благословления звезд: жизненные пути Эйва и Ронда постоянно пересекались, а если говорить точнее, они просто всегда пролегали рядом, сочно притерлись бок о бок, и сиамскими близнецами параллельно шуровали на ручной дрезине по рельсовой колее. Можно сказать, практически, одна общая судьба (незатейливо-прямолинейно-упорядоченная) на двоих с еле-еле заметными отличиями, пятнистыми вкраплениями, но, если разбираться с дотошной скрупулезностью, то у многих рабочих особей жизненные пути-дороги параллельны относительно друг друга, словно правильно сложенные железнодорожные рельсы. Так и идут, бегут, текут, грустят и радуются, слаженно и упорно, однозвучно и бесконечно – одна возле другой (пра-

вая тянется возле левой, а левая – соседка правой), временами исчезая за легким, иногда неожиданным, поворотом событий, и снова, явственно проявляясь где-то вдали, нарастая и затухая, но не изменяясь до самого призрачного горизонта...

Эйв провел с Рондом около пятнадцати лет в одном прекрасном интернате, входившем в двадцатку лучших учебных заведений страны, – с самого рождения до выпуска в «большую жизнь», такого стандартного, такого трудового и такого безродного. Вместе с ним он успешно проходил техническую специализированную практику на протяжении одного года на крупнейшем городском учебном комбинате, по окончании которой, со звездными оценками, их беспрепятственно приняли на завод, ставшим за годы родным и любимым, вместе с ним и еще двумя десятками таких же бедолаг-товарищей, они горбались целых три месяца, нескончаемо-длинных девяносто дней, на богом забытом урановом заводе, куда они умудрились попасть в наказание из-за нелепой оплошности старшего бригадира во время ночной смены, вместе с ним он шестой год посвящает заводу радиотехнических деталей и уверен, что будет работать с ним до конца жизни.

«А-а-а, иначе и быть не может! Это же настолько очевидно! Вместе так и будем работать и работать!» – постоянно категорически восклицал по этому поводу Эйв. Он безоглядно верил, что работа и стабильность – это самое главное в его

жизни, как в судьбах миллионов и миллионов, и миллионов таких же, как и он, перепончатокрылых особей.

«Мы все рождены были для работы! Мы все – любимые дети своей необъятной страны, и любим ее безоглядно! Любим ее!» – прямо и бесповоротно гласил Устав Общества в своей первой всеустанавливающей статье, давая понять, что государственные высокопоставленные мужи искренне, то есть от всего великого своего сердца, радеют за права всех граждан, и, в первую очередь, за «всеобщее право на труд». Знать и выполнять все Уставы и Кодексы, а их набиралось что-то около двух десятков, считалось обязанностью каждого полноценного гражданина независимого Государства.

«Знаете, друзья мои, скажу так... Может и немного высокопарно, но совершенно доступно, совершенно просто, совершенно... Тяжелейшим духом всеобщей трудовой повинности проникнута вся наша жизнь, мы упыхиваемся с утра и до ночи, и готовы продолжать вкалывать и вкалывать, и все это – на благо любимой Родины!» – однажды в темно-лиловый вечерний час, когда рабочий день убийственно пригвождал еще один выдохшийся цифирный значок, так, между делом, легко и философически выдал притомленный Ронд, который и не хотел произносить ничего этакого, но оно само собой родилось, выдохнулось из него вместе с усталостью, эта довольно простая, но глубокое выражение раз и навсегда мелкой занозинкой запала в сознание Эйва.

Грустный, мрачноватый, а временами и до неприличия нудный, Ски появился в А-745 два с половиной года назад, после несправедливого (как считали некоторые особи) увольнения, или как это принято называть – после «устранения», предыдущего третьего жителя квартиры, Лерца. Полное имя – Лерц А-79АК, хотя как его звали целиком, уже совершенно точно никто и не помнил. Он добросовестно оттабанил на крупнейшем концерне радиостроения больше трех десятков лет. Законопослушный работник, передовик производства, в одно октябрьское утро непростительно простудился и после традиционного трудового ритуала, то бишь после рядового одиннадцатичасового рабочего дня, замертво слег в постель. На следующий день радостным солнечным зайчиком помаячило призрачное счастье – по внутренне-домовому графику выпало именно его домашнее дежурство, и поэтому ехать на родной завод и дарить свое драгоценное здоровье во благо механического бессердечного собрата не требовалось. Кое-как отработав по здешнему невеликому хозяйству, беспросветно квелый Лерц, собравшись со всеми неземными силами, отправился за свежим нектаром к жизненному ключику, который в то время находился почти в часе ходьбы от родного дома. Вполне прогнозируемые и неизбежные события развивались далее в жутко-активной арифметической прогрессии. Вынужденная осенняя прогулка на дико-свежем воздухе под морозящим холодным, смердящим дождем не помогла, а только навредила боль-

ному муравью. Вернувшись с двумя десятилитровыми канистрами нектара домой, он совершенно обессиленный безнадежно завалился у самого порога квартиры, потеряв сознание.

Когда Ронд и Эйв приехали с работы, они застали бедолагу в беспомощном состоянии: болезненный жар не отпускал муравья ни на минуту, казалось, что под тонкой кожей больного пылает безумно-огненный пожар, готовый вырваться наружу. Три коротеньких дня, выделенных участковым врачом на выздоровление больной особи, ничего существенного не изменили. Дежурящий на следующий день Ронд прилежно ухаживал за собратом, распластанным на кровати, как на предсмертном одре, неприлично-высокие градусы спасительно снижались буквально на час, но, достигнув нормы, температура снова вздымалась, и неизбежно виделся только один путь: трудолюбивый Лерц свое безупречно отработал, и его, не иначе, как устранят. Именно это и произошло. По истечении трех мимолетных суток врач добросовестно зафиксировал «невыздоровление пациента и невозможность выхода на работу». Злосчастная метаплевральная железа¹¹, отвечающая за выработку антибиотиков, которая защищает муравьев от всевозможных бактерий, была повреждена. По Кодексу о Привилегиях Лерц лишился какого-либо права

¹¹ * Метаплевральная железа – специфическая железа внешней секреции, характерная только для муравьев, выполняющая в основном защитную антибиотическую роль. Расположена в ниже-боковой части заднегрудки.

на рабочее место – кому нужен больной муравей?

Эйв и Ронд попытались заступиться за товарища, написав братское прошение об отсрочке на время восстановления здоровья дополнительную объяснительную и положительную характеристику, обращая внимание руководства на значительный стаж и заслуги отличного в прошлом работника, но ничего, увы, не помогло. Приговор был безжалостным, суровым, и бесповоротным, без какого-либо апелляционного рассмотрения. Невеликое ежемесячное денежное пособие, которое полагалось к выплате при устранении с места работы первые полгода на поддержание жизнедеятельности, было ничтожно мизерным, совершенно ничтожным и совершенно мизерным, фактически хватало всего лишь на неделю...

«Ты представляешь, Ронд, месячное пособие – на неделю!» – неистово говорил Эйв своему другу. – «Как жить-то при таком раскладе? Можешь ответить на вопрос? Прямой вопрос – прямой ответ! А, ведь, ответа-то и нет! Дней-то в месяце значительно больше, чем одна короткая неделя, на которую тебе хватит этого самого пособия! Или это только так кажется? Вот такая она – реальная жизнь... Те, кто на самом верху, не понимают, как нам тут живется...»

Одним словом, при таком раскладе муравьям, живущим на пособии, приходилось голодать. А для больного Лерца недостаток еды был самым худшим лекарством. В двухнедельный срок Лерца выселили из комнаты А-745, собствен-

ности предприятия, ведь он уже не был сотрудником радиозавода. Товарищи его поддерживали, как могли, но кардинально что-то изменить, были не в силах.

Существовал еще достойный вариант решения жизненного вопроса – устроиться на работу, но найти постоянное место, да еще и с жильем, или с достойной заработной платой, чтобы хватало на оплату жилья, было нереально. Сменить профессию и попытаться зарабатывать себе на хлеб насущный каким-то другим путем, Лерц не мог в силу возраста и особенностей характера. Он всю свою жизнь отдал служению одному-единственному предприятию, и, теперь как отработанный шлак, был выброшен на помойку.

Ни Эйв, ни Ронд не знали, как сложилась дальнейшая судьба Лерца, а через месяц-другой они и вовсе не вспоминали «однопольчанина»: трудовые будни отнимают все душевные силы и заставляют думать только о настоящем. Ни о дальнем прошлом, ни о ближайшем будущем – размышлять практически нет ни настроения, ни сил, ни времени, ни желания.

– Лерца с нами нет, да и, возможно, вообще нет нигде... хотя... – как-то, спустя неделю после устранения Лерца, Эйв сказал Ронду, – наш Лерц будто бы канул в далеком и невозвратном прошлом, отдав свой долг перед... – и тут Эйв замолчал, не зная перед кем надо отдавать долг, и, спустя минуту, все же решил закончить начатую тираду. – Он отдал долг, наверное, перед Государством... тут уж я не знаю.

– Да ты все правильно говоришь, старина! Правильно! – Ронд решил поддержать товарища, видя, что тот сомневается. – Жалко, что нет с нами Лерца, очень уж привыкли мы к нему.

– Жалко, точно...

– Но жизнь такова, что вчера – он, а завтра – может, и мы... никто не знает, что будет за поворотиком судьбы... всякие бывают повороты – и плавные, и резкие...

– Это точно, жизнь – она такая... хотя ведь, мы всегда слепо верим в завтрашнюю стабильность – разве не так? У нас есть работа и мы даже не задумываемся, что можем оказаться на месте Лерца...

– Не задумываемся, потому что нет времени. Просто пашем бесконечно на своем производстве и все...

Память (еще та зараза) которой свойственно быть избирательной, незаметно для друзей осторожно взяла ластик и, закрыв глаза и сердце, беспощадно затерла почти все странички о Лерце в Книге Жизни квартиры А-745. На освободившееся рабочее место из тысячи претендентов посчастливилось быть выбранному муравью по имени Ски. До того, как Ски очутился на Шестьдесят второй улице, он день и ночь смиренно тянул лямку на промышленника Пакса, младшего брата Тейка, старшим слесарем-сборщиком на конвейере автомобильного завода, и попал под масштабное, по меркам того времени, сокращение в числе еще добрых четырех со-

тен муравьев, которое нахлынуло холодной штормовой волной с внедрением современной, модной робототехники. Тогда, пять с лишним лет назад, подобный шаг переоборудования Паксом своего предприятия вызывал ироничные улыбки большинства магнатов, ведь содержание «живой» рабочей силы было намного дешевле, чем покупка дорогостоящего оборудования, да еще и требовались дополнительные финансовые вливания для постоянного обслуживания техники. Минуло всего два непродолжительных года, и Пакс признал свою очевидную трагическую ошибку, но потраченных вхолостую денег, естественно, уже не вернуть.

– Только тот, кто ничего не делает, не допускает ошибок! – с философским спокойствием констатировал Пакс. – И все же я уверен в том, что ближайшее будущее – за прогрессом! Наступит время всеобщей робо-жизни! Роботы заполнят наши заводы и наши дома, они не просто придут нам на помощь, а вытеснят нас отовсюду. Просто выгонят нас! Мы будем вынуждены уступить им во многих жизненных отраслях! Вот увидите, точно говорю! Это страшно звучит, но так и произойдет. Я считаю, что наш реальный мир сейчас почти готов сдать на милость робототехнике, а что уж говорить о том, что будет через десять-двадцать-тридцать лет. Конечно, это не благо, нет, не благо, но от этого просто некуда, просто невозможно уйти. Скоро сами увидите, что говорю вам правду. Жизнь сама все расставит по местам!

На самом деле немногие муравьи верили словам Пакса, снисходительно кивая в сторону его недешевого промаха, но красавец-прогресс, на самом деле, неустанно вышагивает-бежит-торопится семимильными шагами, и тут уж вся зацепка не столько в словах какого-то там промахнувшегося в расчетах магната-промышленника, сколько в действительном, в практическом применении новых изобретений. Бесхитростные ученые с мировым именем и мозговитые чудаки-изобретатели раз от раза преподносят, закономерно или неожиданно, какие-либо сюрпризы-открытия: не только приятные и полезные в быту, но и совершенно бесполезные и, порой, даже опасные. Ведь как можно создать, например, безупречного робота-водителя? Сейчас, как раз, проводятся испытания автомобилей-беспилотников. Да, возможно научить механическое транспортное средство передвигаться согласно заданному маршруту, но ведь все жизненные коллизии невозможно учесть, внештатных ситуаций на дороге может быть сотни вариантов, и даже тысячи.

Компьютерная программа идеально считывает изменения и ошибки на дороге, всесторонне сканирует множество объектов при движении, оценивает внезапное появление пешеходов, вырабатывая и корректируя при этом алгоритм движения. Но ведь всего невозможно предусмотреть. Так, самый ординарный пример, когда рядовой робот-транспортник движется со средней скоростью в «час пик» по намеченному маршруту по перегруженной трассе, и вдруг ни с то-

го, ни с чего, останавливается, как вкопанный, а причина – довольно проста – впереди произошла простейшая авария. Один неосмотрительный водитель не смог вовремя сориентироваться в оживленном транспортном потоке, и его любимая машинка неожиданно воткнулась в другой автомобиль (и откуда он только вылез, черт его дери!) при перестроении на соседнюю полосу. Всё! Тупик! Стоят «мертвыми» эти, со всех сторон ругаемые, автомобильчики, которые наглухо запечатали не только полторы-две полосы, а и все движение наисложнейшей пробкой, и которую приходится объезжать, стоят авто и ждут транспортную полицию... Но поток проезжающих мимо транспортных средств нескончаем и робот будет ждать подходящий момент для проезда, но этот самый момент может наступить лишь через час, что вполне вероятно в данное время.

В повседневной жизни на месте «авто-беспилотника» девять водителей из десяти потихоньку начнут движение, эмоционально выпрашивая у коллег по дорожному движению пропустить автомобиль, и его, безусловно, пропустят из солидарности: не второй-третий, так пятый автомобилист. И таких незамысловатых ситуаций на городских дорогах – бесконечное множество. Так что, вывод вытекает единственный – роботы не всегда могут спасти мир! В одном точно Пакс был прав, когда говорил, что «жизнь расставит все по местам».

Все техническое оборудование, «современное и надежное», как безоговорочно говорилось в аннотации, закупленное Паксом, и выходявшее из строя с завидной до неприятности стабильностью, демонтировали в одночасье и тут же направили на металлургический комбинат в Вурдекс-9, где оно обрело новую жизнь. За два следующих дня был принят новый персонал, и заскучавший было конвейер автозавода, снова задышал, забурился, зашумел с возрождающейся силой. Из тех четырехсот муравьев, что были устранены с завода Пакса, в живых осталось около полусотни (жесткая, суровая жизнь без постоянного места работы, к сожалению, не щадила никого!): им-то и повезло – муравьев отыскивали и взяли на прежнюю работу. Ски и еще двадцати высококвалифицированным специалистам при увольнении были предложены рабочие места в новом цехе на радиозаводе. Таковыми тропинками и привела судьба Ски в жилище А-745. Сказать, что «муравей был очень доволен, что у него есть новая работа и жилье», – это не выразить всего того вселенского счастья, безграничного счастья спасения и обретения новой жизни.

«Без труда нет никакого смысла в нашем существовании!» – такой незатейливой шаблонной фразой добродушно встретили крепкосложенного Ски новые товарищи по жилью, совсем неосознанно проверяя его ответную реакцию. Тот и не отрицал, всецело принимая философию труда

и производительного времяпрепровождения. В дальнейшем за муравьем не было замечено, что он баклушничает, ленился и отлынивает от работы, болеет или выбирает трудовую операцию полегче, Ски всегда стремился выполнять поставленные руководством перед ним производственные задачи на «отлично». Может, что-то и не совсем получалось, но он отдавался рабочему процессу на все сто процентов. Ски сдружился с Эйвом и Рондом – конечно не сразу, а шаг за шагом, постепенно, так как общее хозяйство – дело очень непростое, и, чтобы найти индивидуальные подходы в решении многих вопросов, требуется достаточно долгое время. За все те два с невеликим хвостиком лет, что Ски прожил вместе с Эйвом и Рондом, он все же однажды задумывался уйти. Его давно манила профессия военного офицера, но неумолимое время шло, оно стремительно летело, а муравей все так и откладывал решение этого жизненного вопроса, и когда поступать в военное высшее заведение было уже поздно, оставалось только одно – завербоваться на контрактную службу в действующую армию. По здоровью и по физическому сложению Ски, наверняка, прошел бы соответствующую медицинскую комиссию и был бы принят в войска: таким как он, там всегда рады. Энергии у твердокаменного Ски было хоть отбавляй, за всю свою жизнь он ни разу не обращался к врачам, за исключением прививок и если не считать сломанной верхней лапки в раннем детстве, когда он неловко упал с высоченного дерева и мог переломать себе

все, что угодно, но отделался лишь несложным переломом. Крепкий, хорошенько сбитый, мускулистый Ски ежедневно делал утреннюю зарядку, как, впрочем, и большинство муравьиных особей, а по вечерам, правда получалось всего раз или два в неделю, упрямо «тягал железки», качал мускулатуру гантелями в домашней обстановке, плюс практически каждый четверг – тренировки по волейболу с товарищами.

Все вроде бы подталкивало муравья к реализации военной карьеры, но каждый раз невозможно-странная, необъяснимая сила останавливала развитие мыслей Ски о смене жизненного пути, что-то не складывалось, и он всегда видел в этом некую мистическую сторону.

Но вот пару недель назад муравей снова задумался о службе в армии, он лицом к лицу столкнулся на родной лестничной площадке с соседом Ториллом, муравьем-солдатом, который ему в очередной раз предложил свою помощь в записи на контрактную службу. Ски торжественно обещал хорошенько подумать и дать ответ.

Глава 4

ЗЕЛЕНЫЙ

Нескончаемые десятки, сотни, тысячи каров, похожих друг на друга, словно грязные бурые шмели, уверенно и грузно бормоча себе под нос утреннюю молитву, проскакивали на бешеной скорости по широкому и нарочито-вычурному мосту, который звездно маячил в двух поворотах от родильного дома. Разделенное, распиленное как именинный пирог, на несколько равных частей, перекидное архитектурное сооружение, скорее, напоминало крепостные оборонительные башни времен средневековья, соединенные непрерывной, непримиримой, непроходимой стеной. Грозно гудящие металлические канаты, беспощадно пронизывающие насквозь мост с начала восходящего перекидного сооружения и до самого его туманно-дремучего конца, завершали мрачноватую картину мега-гусеничного монстра. Закрученные мощными улитками толстенные многожильные черные нити, казались громадными острыми шипами, иглами ошестинившегося ежа или раззадоренного дикобраза, готового пойти на все, лишь бы отбить атаку.

Под его тяжеловесной прочной броней, в сизовой дымке струилась спокойная река, смиренно неся свои воды вре-

мени к безгранично-синему океану: здесь, в суматошном городе, река сонливо разливалась во всю великую ширь, ода-ривая своей бесценной красотой жителей любимого городка. Погода не жаловала. Застенчивый солнечный шарик невесе-ло катался по небу за хмурыми тяжелыми облаками туда-сю-да и совсем не спешил показываться, и невзрачный, незавер-шенный этюд давил, казавшийся полуживым, на город сво-им тяжеленным пессимистичным грузом. Где-то поблизости ежеминутно над высотными офисными зданиями тревожно и рискованно кряхтел военный вертолет: он то абсолютно без остатка растворялся в густом драконовском ультрамари-не неба, то внезапно выныривал совершенно в неожиданном месте, и, зависнув на пару секунд, словно сканировал кар-тинку происходящего, вновь утонул в безусловной пышно-сти сырых облаков. Амина отчетливо видела, как где-то да-леко, на окраине города частокол заводских труб неутихаю-ще рыгает неприятно-темными густыми клубами дыма.

«Куда катится наш мир? Куда катится... это же настоящая катастрофа... какая там экология и эфемерная забота о на-шей матушке-природе? Эти самые наивные вопросы эколо-гии давно никого не беспокоят! Ну, мне так кажется, что не беспокоят... наивные... придумали красивые термины, сверкающие на летнем солнышке, взять хотя бы недавнее... Назвали прошлый год пафосным „Годом экологии“, а что он нам дал? Пустой „вш-ш-шик“ он нам дал. Пару звонких про-

блем озвучили и делов-то... А реальные жизненно важные вопросы остались без ответов. Строим – работаем – производим – выбрасываем... и все это – для чего? Есть ли ответ? Если в каком-то мало-мальском деле фантазийно светят дивиденды, то, даже несмотря на нерешенный экологический вопрос, предлагаемый проект будет согласован, в любом случае, – рано или поздно, но все равно будет согласован, и только так... Гиперчувствительный маркер с выгравированным названием „Прибыль“ отчетливо выделяет главную строку „Итого“ и все, дело в шляпе: все счастливы – Государство якобы счастливо, что растет количество рабочих мест от запуска нового проекта, и будут новые налоговые отчисления в госказну, новые работники счастливы получить работу со стабильным заработком, и босс с командой инвесторов счастливы от капающих на счет в странах, свободных от налогов, процентиков от вложенных капиталов! Прибыль есть и все! И больше ровным счетом ничего не надо. А с экологией разберемся... потом... может быть, разберемся... если успеем...»

Смертоносные, всесокрушающие технические выбросы нещадно поднимались бесконечными извилистыми дорожками к сизому, уставшему от тяжести дыхания, небу, прочно соединяя и притягивая друг к другу два мира, две вселенных: мир небесный и мир земной. Ядовитые техногенные пуповины намертво связывали и не отпускали, рождая

неподдельный страх. Жесткий беспощадный ветер надрыв-но, неимоверно напрягая свои мускулы, шквалил изо всех сил, безрезультатно стремясь отнести отравленные клубы подальше от трудолюбивого города. И среди этого свинцового промышленного мира на открытой площадке, на крыше соседней высотки, сюрреалистично чудился муравей-художник. Его нисколько не смущала ни ненастная погода, ни грязная темнота, накрывающая город. Ловко укрывшись за двойным кирпичным выступом, под странным самодельным небольшим навесом, казалось, что муравей совершенно не обращает внимания на сильный ветер и моросящий дождь, он, словно в иллюзорном забытии, торопливо водил кистью по холсту, закрепленному на вентиляционном выступе, безгранично наслаждаясь процессом рисования, творец растворялся в своей работе, оставляя для потомков пессимистично-серый пейзаж на полотне. Зачем? Для чего?

На небольшом подоконнике, возле которого стояла Амина, стояли цветущие фиалки. Вот истинная красота.

Шум беспокойного, жужжащего мегаполиса едва доно-сился сквозь плотный двойной стеклопакет. В какой-то скользнувший момент Амине довольно реально показалось, что на месте многоэтажек она видит страшную апокалипси-ческую картину: редкие полуразрушенные дома, смрадные, зловонные, ветхие лачужки-сараяшки, латанные-перелатан-ные фанерными кусочками и деревянными брусочками, за-

трапезные палаточные вигвамы, картонные подоби́я домиков, сооруженные из выцветших рекламных плакатов, самодеятельные накатные землянки.

Вокруг ярких костров, которые беспокойно играют между собой тут и там среди уцелевших домов и брошенных авто, на изодранных коробках дремлют понурые муравьи, безбожно укутанные в рваные одежды, которые и одеждой странно назвать, повсюду к мрачному иссиня-черному небу тянутся клейкие струйки дыма брошенной страны пожарищ, и меркантильно-жесткое, совершенно безжизненное солнце, сродни огненной неутомимой птице с янтарно-агатovým переливающимся опереньем, преспокойно себе перелетает с места на место, но живительного, спасительного света от нее, от солнечной звезды, увы, не исходит. Приунылая Амина тягостно вздохнула и прихлопнула глаза, стараясь выключить пессимистично-мрачную картинку в траурном воображении.

Время вяло утекало сквозь грустный неправильный овал окна, округлая, уставшая от ожиданий, Амина вольготно разместилась в облачном, широченном, свободно уместившем двоих среднеупитанных муравьев – практически двухместном, двубортном кресле из приятной мягкой кожи молодых варанчиков-одуванчиков, от которой исходил удивительный аромат цветущего лотоса из далекой дельты южной реки, пропитанный неотъемлемыми нотками трудовых буд-

ней перепончатокрылых особей. Муравыха слегка подергивалась, как это бывает в первые миллисекунды ухода в скользкую запредельную параллельность сна, но Амина не спала, и, даже, не дремала, она глазела в даль, сквозь призрачно-прозрачный, огромный стеклопакет. Ее лучистые, бархатистые добрые глаза необычайно ярко искрились – то ли от переполнявшей ее радости, то ли от бесконечной усталости. Пойди-разбери их, этих женщин-муравых, отчего у них светятся глазелки?

Каждую минуту мимо нее кто-нибудь выпренне проходил: то шептунливые, неугомонные молоденькие медицинские сестрички, то отуманенные мыслями беременные муравыхи, погруженные в сомнамбулический мир будущего, то беспокойные врачи, то разнорабочие, такие деловые и важные, словно кавалергарды мирного времени, а случилось, и пробежали маленькие, совсем еще мелкие жемчужные муравьишки, шумливо разбираясь в каких-то своих затейливых озорствах.

«Откуда они-то здесь взялись?» – недоумевала Амина и лениво улыбалась. – «Разве для такой мелочи не должен быть отведен специальный корпус? Почему-то я всегда думала, что муравьишки-малыши отдельно размещаются? Странно, как таких мелких отпустили в общий взрослый корпус? И когда уже погода наладится и станет мир цветным?»

Вдруг, совершенно расслабившаяся муравыха услышала пару призрачных звонких щелчков, и незнакомый голос пря-

мо за спиной еле слышно прошептал: «Так, работаем-работаем-работаем, друзья, процесс запускаем, съемку начинаем! Мотор-мотор-мотор!» Она в смятении нервно огляделась по сторонам, отчаянно поднялась с приветливого кресла и уверенно сделала несколько шагов в сторону лифта, но неожиданно передумала и тут же вернулась на прежнее место. Случайно налетевшее беспокойство в одно мгновение растаяло, не оставив и следа.

Здесь, в городском родильном доме всего за два дня пребывания, ей стало так уютно и спокойно впервые за два последних месяца, что она с удовольствием бы осталась тут еще на пару месяцев, торопиться все равно ей некуда. Некуда и не к кому идти...

– Извините, извините, Вам чем-нибудь помочь? – добродушно обратилась к Амине дежурная медсестра.

Но Амина «ушла в себя» и совсем ничего не слышала, медик дотронулась лапкой до беременной и повторила вопрос.

– Нет-нет, все в полном порядке. Не надо, спасибо, все в порядке, – поторопилась ответить Амина. – У меня все... Я попрошу, если вдруг чего-то... Спасибо Вам!

«Заботливые лапки! Забота, забота, забота! Вот чего мне не хватало все время. Здесь заботятся обо мне и моем будущем малыше...»

За окном сквозь мглистый беспросветный колпак туч, которым был накрыт город, да и вообще весь мир, прорезались

жгучие живительные лучи солнца, словно таинственный хирург загадочно-ярким скальпелем аккуратно сделал надрез, и в один миг сизые и землистые дома и улицы ожили, задышали, превращая хмурый район за районом в разноцветные и действительно живые места обитания. Серо-грязный индустриальный монстр в одно мгновение неузнаваемо преобразился в полифонично-цветной городок.

«Как мало, оказывается, надо для настоящего счастья – кому-то крохотную капельку тепла и заботы, другому – несколько лучиков солнца? Живительного солнца. Хотя, может, это одно и то же?»

– Любуется нашей красавицей? – с горделивой улыбкой кивнула на мраморно-синюю змею приблизившаяся соседка Амины по палате, муравыха Пийо. – Но сегодня она вряд ли впечатляет! Сегодня пасмурно, и совсем не то... Она у нас очень красивая! Надо просто в другое время...

– Да-а-а так, смотрю на все. На город, на реку! Мне все очень нравится, – с небольшой растерянностью в голосе ответила Амина, и сама удивилась своей шаткой неуверенности.

– Да уж, наша Мийса¹², пожалуй, одна из самых живописных рек на всем материке. А для меня – она самая красивая и есть. Самая-самая-самая! Летом, особенно в жаркие дни, Мийса – вообще неотразима! Вы посмотрите на нее летом!

¹² * Мийса – крупная река, берущая начало в соседней Республике и протекающая через все Государство.

Вы сами из каких мест будете?

– Я мало видела рек? Точнее, эта река – первая, с которой я встретилась, – чуть сконфуженно произнесла Амина. И тут же радостно выпалила: – Но она мне очень понравилась! Правда-правда, очень понравилась. У нас в городе тоже есть река, но все как-то не получалось добраться до нее. Не поверите, ни разу ее не видела. Все работа и работа, да бесконечная суета, а о прекрасном – времени нет... нет времени о прекрасном подумать. Кажется, что работа съедает всю жизнь... А из города я – из Сан-Притту¹³.

– Ну, про работу – это точно Вы говорите! Так уж у многих складывается. Приходится с утра до ночи пахать без перерыва и выходных.

– Да... Работа – это наше все... без нее – никуда...

– Тут уж точно, не до прекрасного. Все ради общего дела...

– Да-да, все так и есть!

– И иногда кажется, лучше не останавливаться и не думать для чего мы, и зачем мы все работаем... главное – сам процесс...

– Вы прямо моими словами говорите. Ну, про работу говорите! – с удивлением сказала Амина.

– Так это, я думаю не только я и Вы... а про реку... если про реку говорить, то вообще, любая река успокаивает и да-

¹³ * Сан-Притту – город на юге Государства. Население – более 6,2 млн муравьев, второй по величине город в стране.

ет необъяснимую силу жизни, – Пийо как-то в одну секунду погрустнела, задумалась и принялась вслух рассуждать. – Не знаю, как объяснить, но течение реки... Оно завораживает и завораживает своим спокойствием, таким вот хоро-о-ошим спокойствием, затягивает, манит к себе. Чесс-слово, завораживает и спокойно таа-а-ак, спокойно... смотришь так на течение, стоишь и смотришь, и думаешь... думаешь... э-эх, сейчас бы погрузиться в теплую водичку и полностью расслабиться! – замечтавшаяся Пийо тут же закрыла глаза, и легкая улыбка замерла на ее мордочке.

– А-а-а, и правда, наверное, правда, так здорово! – подхватила ее мысль Амина, обрадовавшись совершенно по-детски.

– Да, это не то слово, не то слово! Это космически здорово! Превосходно! Феноменально! Обязательно искупайтесь как-нибудь. Выберите время, и сгоняйте на реку... Летом надо... – счастливая Пийо светилась от эмоций и добавила. – Настоятельно рекомендую!

Они постояли еще несколько минут в полной тишине, наслаждаясь панорамой города, который жадно впитывал солнечную энергию, и живописной реки, пока их не позвали в обеденный зал на полдник.

За окном одна за другой пролетели две крикливые чайки, они сделали небольшой вираж над сияющей речной гладью и бесследно растворились за колючим мостом.

БЕЛЫЙ

Тонкие холодные струйки душа падали на узкие плечи¹⁴ муравья. Шипящая вода весело пробегала по закаленному телу с головы до ног и исчезала в маленьком чернеющем отверстии в полу. Теплый радужный свет играл переливами и бодрил Ронда. Ванная комната, для удобства пользования сразу двумя муравьями, была разделена на две части невысокой матовой перегородкой, которая, словно зеркальный лист, отражала содержимое одного отсека в другом: до крайнего безумия повторялись белоснежные раковины для умывания и жемчужные угловые кабинки для принятия душа, глянцевые краны с крестообразными «барашками», многочисленные полочки для всяких важных ваннных мелочей, крючковатые пластиковые вешалки, напоминающие зубья мифического дракончика, прозрачный, хитроизогнутый, в форме необычного морского животного, ковшичек, веселенькая пластиковая подставка для зубной щетки (с одним-единственным отверстием), изображающая шального одноглазого пирата

В бледно-голубую пластиковую дверь, служившей, скорее всего, для границы между ванной комнатой и коридором, нежели для запираания от случайных гостей, негромко посту-

¹⁴ * Плечи – как таковые плечи у муравьев отсутствуют, здесь имеется ввиду часть «пронотума» – верхнего полукольца первого сегмента груди насекомых.

чали, затем пару раз посигналили светом, и, наконец, раздался петушиный голос Ски.

– Ронд, через минуту твое время заканчивается! Поторопись!

– С-с-с-час, с-счас выхожу! – умело отбил удар Ронд.

– Давай-давай!

Рыжий муравей вскинул голову: электронные часы, аккуратно разместившиеся между кафельными плитками, подсказывали, что его законные пять минут для душа истекли.

«Э-э-эх, вот бы в настоящем море поплавать! Или можно в тепленьком и чистеньком океане... Уплыть далеко-далеко от берега, раскинуться и лежать-отдыхать на спокойных, еле покачивающихся волнах, ощутить всю-превсю ширь и водную глубину, полноценно наслаждаться просторами водной стихии. Уплыть так далеко, где нет никого-никого, чтоб тишина тишайшая, нежный, легкий, шепотливый плеск волн и ровная-ровная гладь океана!»

Он спокойно повернул крендель вентиля на пару оборотов, и бойкая струйка воды, постепенно уменьшаясь, совсем исчезла, муравей резво встряхнул с головы последние капли, протянул верхнюю правую лапку к полосатому полотенцу и почувствовал нежное прикосновение легкого материала.

«Самое главное – тщательно вытирай усики, чтоб они у тебя всегда были в сухости и блестели! Помни, сухие усики когда-нибудь могут спасти тебе жизнь!» – неожиданно Ронд проявил очередной памятный фотоснимочек из глубо-

кого-глубокого детства, – слова детсадовской нянечки.

Насухо обтеревшись приятным полотенцем, он распахнул дверь ванной, и мятный ветерок комнатного кондиционера охватил все рыжее тельце. Взырошенный муравей в одно мгновение натянул трусы и бодрехонько выскочил из ванного отсека. До всеобщего отбоя оставались считанные минуты. Ронд зачем-то присел на секунду и резко подпрыгнул, жирно махнув со всей силы правой лапкой по воздуху, изображая волейболиста, который взмывает над волейбольной сеткой и пробивает упругим мячом блок соперника.

«Так, чтобы не забыть о самом главном! Как всегда – в последний момент!»

Ронд широко шагая появился на пороге комнаты, Ски и Эйв уже находились по местам – каждый в своей кровати.

– Мы готовы, – сказал Эйв.

– Угу, – утвердительно промычал Ронд.

– Да, мы готовы! – подтвердил Ски.

– Отлично! Я слышу-слышу! – Ронд повысил голос.

Дежурный мураш подставил к электронным часам свою правую рыженькую лапку и опустил жетон для регистрации: часы ярко-зеленым светом сообщали время – «Двадцать три, пятнадцать».

«Все прошло на „отлично“, еще одна рабочая неделя от-тарабанена... еще одна, как и сотни других недель... как замечательно, как хорошо, что завтра, уже почти что сегодня – выходной день! Наконец-то можно немного вздохнуть

после марафона сложной трудовой недели и переключиться от всей этой тленной суеты-беготни-шелухи-конфетти...»

Ронд, преисполненный мыслями о наступающем дне привычным движением поставил щадящий код воскресного будильника на часах, и, нажав на автоматическое отключение абажура, с разбега плюхнулся в свою, столь приветливую, кровать.

«В настоящем спокойном море-окияне поплавать бы!» – с новой приливной, космато-пенной волной вернулись его «вряд-ли-сбыточные» мечты о бескрайних водных просторах.

Нескончаемый поток розовых фантазий назойливо кружился затягивающим ледяным водоворотом и не отпускал в свободное плавание, кипя бурлящей пеной, и трепетно чаруя, и убаюкивая. Засыпающий Ронд вдруг вспомнил о своем стародавнем приятеле Кинте, который самоотверженно нес вахту на рыболовецком траулере: «Он уж, наверняка-а-а, любит все красоты бескрайнего океана, и, может, иногда растворяется в нем, плавает, купается... Работа – работой, а можно ведь и наслаждаться моментами, которые благоволительно дарит нам судьба».

Приглушенный нежно-апельсиновый свет абажура, постепенно угасая, в конце концов, беспробудно уснул в седовласой ночной темноте. За сумеречным окном по-прежнему беспокойно хлестал шумный дождь. Убийственная стихия

все больше и активнее разыгрывала дьявольскую трагедию в театре. Изменчивый порывистый ветер то налетал с бешеной яростью на падающие с неба неисчислимые тропические капли, то беззвучно затихал, будто бесстрашный ягуар, поджидающий в засаде молодую антилопу, то снова набрасывался с еще большей неистовой силой, и эта отчаянная игра продолжалась без конца и края. Грозные грозовые тучи тревожно толкались по мрачному небу из одного угла в другой, и снова обратно, словно не находя никакого выхода из ограниченного пространства. И все же, выход у хлипких беззастенчивых туч был один-единственный – полностью излить всю свою накопившуюся за день-два-неделю-месяц грусть над спящим городом, и только потом спокойно уплыть во-свояси...

Ски и Ронд уже безгрешно посапывали – видимо, им открывались какие-то тайны фееричных ночных сказок. Эйв, лежа на правом боку, безуспешно пытался заснуть и всматривался на стоящий напротив старинный стул фирмы «Альт» с загогулистыми резными ножками, взгляд его продвинулся чуть левее мебельного антиквара, и перед его глазами предстала картина освещенно-черного квадрата окна: внешний свет падал на огромный прямоугольник сверху, создавая иллюзию бесконечного пространства.

Если смотреть в сумрачную глубину ночи, не отвлекаясь на стоящую напротив такую же сорокаэтажную громадину, то можно было разглядеть настолько тонкие и хрупкие ли-

нии грустного одиночества! Но, увы, призрачные слезы природы, угрюмо стекавшие по прозрачной глади стекла, возвращали в реальный мир. Мир нескончаемых законов и правил, где каждый рабочий муравей был крохотной деталькой всеобщего мега-механического аппарата.

Неожиданно Эйв поймал себя на неосторожной мысли, что наблюдение промозглой ночью за дождем, в тот самый момент, когда все и вся уже выключились из мира реально-го и беспробудно спят, приносит в его крохотное сердечко неясное смятение, и вот уже целый месяц или нет, уже больше месяца, он живет как-то по-другому. Не так, уж чтобы совсем что-то кардинально изменилось в его жизни, но его стал необъяснимо волновать и зачаровывать мерцающий ночной мир, притягивая к своему таинству, словно магнитной пластиной. Ему искренне казалось, что каждая частичка его крохотного организма намеренно пытается то увеличиться до беспредельных размеров, то уменьшиться до точечной отметки, и что все его тело непрерывно дышит, и уже живет какой-то неопределенной, неестественной для «замкнутого круга рабочего муравья», своей жизнью. Порой приходили странные минуты, а, может, и секунды, когда его «правильное» сознание отключалось, и он неуправляемо тонул в бесконечной, таинственной Вселенной. Его нежно и крепко охватывал свистящий ветер и уносил в дальние безвестные просторы. После таких тревожных мимолетных приступов Эйву казалось, что он теряет контроль над собой, не мо-

жет сделать что-либо и сказать где он был. Особого беспокойства его мистические парения не вызывали, и он решил, что раз уж состояние этих самых «нереальных полетов» никому из окружающих не вредит, значит, все – в полном порядке, все по графику, без изменений... Для себя он точно никак не мог определить – насколько хорошо это или плохо, он просто чувствовал непреодолимое желание подняться и подойти к окну, чтобы быть чуточку ближе к сыплющимся с беспредельно-мглистого неба бесценным прозрачным жемчужинам. Случалось, что иногда все же какой-то необъяснимый страх сковывал все его мышцы, неожиданно парализовал его безвольное тело, крепко охватывал его за все лапки, словно прокрустово ложе, и не выпускал из своих объятий.

Глава 5

БЕЛЫЙ

Утренние солнечные лучики легко просачивались сквозь плотную стеклянную преграду. Мельчайшие пылинки, будто бы совершая таинственный обряд поклонения природным богам, неспеша забавлялись в забавном ритмичном кружении. Они размеренно вальсировали по законам старых традиций: «Р-а-ааз, два, три! Р-р-раз, два, три!» Их беззаботный завораживающе-пленительный танец немного оживлял комнату, где буквально еще все: каждый предмет находился в состоянии глубокого сна. Энергичные живчики в замороженном мире. Микроскопические пылинки – нежнейшие порождения божественной природы, а, быть может, и техногенного мира, одна – за другой, другая – за третьей, и так – до бесконечности, самоотверженно боролись за существование в окружающем микрокосмосе: то вырастая в бездонном потоке солнца до видимых частиц, то растворяясь без малейшего остатка в мире затененном и становясь невероятными невидимками. Мистический квадрат окна, притягивающий яркие живительные лучи, служил местом бескомпромиссного исполнения грез миллиардов крупинок. Для того, чтобы они стали колоссальными и значительными, им надо

было всего лишь попасть на солнечный свет... оказывается, как все просто! Всего лишь – стечение природных обстоятельств, и ты – уже совсем другой.

Когда на световом табло вяло выползли цифры шесть-тридцать, сонный будильник нервно очнулся, сдерживаясь, зевнул и монотонная, и, до одручения выученная, спокойная мелодия неведомой силой подняла Эйва с мягкого ложа. Наступили сутки его домашнего дежурства. «Р-р-раз, и два!» – четко включился внутренний счетчик полусонного муравья, и на черном глянцевом экране проявился график проведения воскресных хозяйственных работ. Эйв по-шустрому накинул на плечи свежую рубашку и, сделав пару крылатых шагов, чинно предстал перед монитором, по-шамански проделал пасы руками и оживил мертвый аппарат. «Тр-р-ри-четыре-р-ре!» – и личный электронный чип-жетон, который одевался на верхнюю лапку каждого мураша и предназначавшийся за тотальным отслеживанием местоположения каждой рабочей особи, прошел проверку. Полусонный мураш вернулся к своей кровати, в комнате уже пробудившиеся, но еще вялые Ски и Ронд заканчивали заправку постелей. «Пя-я-ять-шесть-семь!» – вот и начался новый день!

– Ребята, р-р-ребята, – скромно начал было Эйв, но не узнал своего осипшего голоса, его горло наполнилось сухими колючками. – Хм-м-мрр? – резко и звучно прорычал он. – Мужики, у вас сегодня наметилась покраска на заводе,

так что одевайтесь по форме «че-е-е-тырнадцать», усекли?

– Да-а-а, какая разница, чем заниматься? Хочу сказать, что все равно! Пусть будет хоть и покраска, мы на все согласны! Ты нас уговорил! – Ски направился умываться. – Главное – все равно идти на работу!

– Эт-т-т точно! Работа в воскресенье – эт-т-т самое святое! – поддержал его Ронд то ли с ехидной улыбкой, то ли с неувядающим оптимизмом. – Седня работаем всего полдня, и это обнадеживает.

– Да, кстати, вы не забыли, что на следующее воскресенье намечен карнавал! А у нас еще проблема с костюмами. Надо будет что-то придумать, мы же? В общем, все сделаем, как полагается! Ка-а-арнава-а-ал!

– Эйв, ты, похоже, заработался, друг! – Ронд выдавливал зубную пасту на щетку и выглянул из ванной посмотреть на Эйва с превеликим удивлением и подмигнул ему. – Или я что-то путаю? Карнавал у нас через две недели, а не через одну. Разве я что-то не так говорю?

– Слушай, точно. Ты прав, через две! Совсем я умотался с этой работой! – Эйв смущенно улыбнулся, слегка покачивая головой, что мол «вот до чего докатился – уже путаюсь в днях», и еле слышно рассудительно добавил. – Хотя, если по всем правилам говорить, то карнавал начнется чуть больше, чем через неделю. Это мы выступаем – через две... Не совсем мы, а только Ронд, мы уже не успеваем ничего. Ронд выступает через две недели, а карнавал – начинается

через одну. – Последнюю фразу он прокричал своим друзьям, обеспокоенный, что они его не слышат.

Ронд и Ски дружно выглянули из ванной комнаты, они уже вовсю чистили зубы, и, пробурчав-пробулькав что-то невнятное, разом переглянулись. Сегодня Ронд рассчитывал на возвращение домой часам к двум, он собирался позвать Ски на съемки ток-шоу, но все как-то откладывал сказать ему об этом.

– Ски, сегодня вечером поедem на 19-й телеканал? – Ронд показал лапкой на него и на себя. – Мы вдвоем едем? В восемнадцать ноль-ноль съемка ток-шоу. Раз уж позвали, значит надо ехать.

– Вдвоем? – спросил Ски.

– Да, пригласительных только два, Эйв – дежурит, он сто процентно не сможет, так что – едем.

– Не знаю даже... Что-то нет подходящего настроения! – законючил Ски.

– Слушай, ну-у-у, тут без вариантов. Вечером – ток-шоу, нас позвали, значит идем. Надо, друг, понимаешь! Надо и все!

– Хорошо! Ты прямо-таки уговорил. Точнее, поставил перед фактом, – заметил Ски с легкой язвительностью в голосе. – Хорошо, что еще не вечером сказал, не в семнадцать пятьдесят!

– Не-е-е, вечером было бы уже поздно. Сейчас – самый раз! С утра – самое то – правильно распланировать день! –

Ронд рассмеялся над своей шуткой, Ски нисколько не обижался. – Ты же знаешь сам прекрасно: совсем закрутились в работе, все думаю – надо-надо сказать, вот сегодня-завтра скажу, и все это самое «сегодня-завтра» переносится и переносится... И вот те на-а-а – сказал!

– Ок! Информацию принял! На шоу пойду! Раз – надо, значит – надо! Но, только ради тебя! – отчеканил Ски.

– Не-е-е, ради меня не надо! Серьезно говорю! Ради меня тебе тогда придется еще и участвовать в главной роли в шоу!

– Ха-ха-ха, ты меня развеселил просто, – Ски приглушенно улыбнулся – Спасибо за утренний позитиф-ф-ф.

На кухне все еще непроснувшийся окончательно Эйв филигранно нарезал хлебушек для своих товарищей. Бурление кипящей воды в чайнике долетело до сознания Эйва лишь тогда, когда в ванной выключили воду.

«Восемь-восемь с половинкой-девять!», и мураш убрал с раскаленной плиты чайник на малахитовую подставку в тот момент, когда бурчащие друг на друга Ронд и Ски проскочили из ванной в комнату, чтобы приступить к спортивной разминке.

– Эйв, мы освободили, можешь идти умываться. Давай...

«Вот и десять! Десять – это просто отлично!»

Голосистая стрела Ски угодила прямо в сознание Эйва, и заставила слегка вздрогнуть муравья, который мигом рванул в ванную освежиться и уже больше не дремать.

«Пора-пора включаться в день! Прочь-прочь все печали и лень! Пора-пора заботиться о всех! И ждет нас впереди – успех!» – Эйв вспомнил слова из какой-то затертой временем песни.

Отполировав волшебной зубной пастой как следует зубы, Эйв широко улыбнулся в симпатичное зеркало и весело подмигнул своему отражению. Наскоро побрившись новеньким лезвием («Какое это все же счастье – побриться совсем «нулевым» на «раз-два и готово!»), муравей на бесконечную цепочку разлетающихся в прах секунд беспамятно утонул в широком махровом полотенце, стараясь хоть как-то остановить утреннюю гонку, и, очнувшись, с удовольствием направился на кухню. Мягко и уютно пахло мятной свежестью.

– У-у-у, черт-черт! – громко выругался он, больно ударившись бедром о косяк ванной комнаты. – Что ж такое-то! Все углы сегодня собираю, уже который раз... – и муравей почесал ушибленное место. И тут же всплыл обрывок из сегодняшнего короткого сна, как Эйв-спортсмен, Эйв, который ни разу в жизни не вставал на лыжи, безбашенно летит-мчится с огромной розово-закатной снежной горы на волшебных горных лыжах, и, как заправский слаломист ловко огибает препятствия: справа-слева, справа-слева. Ярко-радужный золотистый морозный вечер добавляет азартное настроение. Алмазный колючий снег крохотной пылью летит в счаст-

ливую очкастую мордаху, и муравей бесконечно счастлив от зимнего прогулочного развлечения. Звучит торжественная музыка... это похоже, наш гимн...

На любимой кухне чуть слышно дважды икнул будильник, оповещая о минутной готовности к началу воскресного завтрака.

«Все проходит, как всегда – четко по расписанию! А ведь, соблюдение расписания – прямой залог достижения успеха! Мы – просто молодцы! Надо всегда себя приободрять, а если не поднимать настроение самому, что будет? Ничего особенного и не будет, просто вряд ли кто-то сделает это за тебя. Итак, мы – самые настоящие молодцы! Работаем и улыбаемся! Без подобающего настроения нет и трудовых успехов!»

Жизнерадостный Эйв включил на минуту-другую телевизор, чтобы на телеканале «АА-новости» посмотреть прогноз погоды на день.

– Ребят, слышите? Погодка нас положительно радует своими шестнадцатью, да и небо обещали ясное, без дождя, ветра нет, ну, или, почти нет! Настоящее лето – на улице! – Эйв прокомментировал прогноз так, чтобы Ски и Ронд его слышали. – Так что, можно смело сказать словами из знаменитой песенки: «Солнце светит с самого утра – значит, день удался!»

Два бодреньких товарища, закончив утреннюю разминку, закинули увесистые гантели под диванчики, и друг за другом запрыгнули еще раз в ванную буквально на пять секунд –

облиться по пояс ледяной водой. В это время Эйв кротко сидел за кухонным столом и мечтательно наполнял кружки чаем, крепко заваренным зверобоем, и ребята, уже одетые в темно-синие рубашки и брюки, дружно появились на пороге кухни.

Глава 6

БЕЛЫЙ

Служебный заводской автобус отправлялся от дома, где жили муравьи по воскресному графику, в семь пятнадцать, пунктуально по строго выверенному временем расписанию, так как по пути надо было объехать еще несколько точек, чтобы «загрузить» всех рабочих особей. Нашим товарищам как раз хватало времени в обрез, тютелька в тютельку, чтобы успеть влезть в забавные полосатые черно-белые комбинезоны из удобной и очень тонкой, но прочной плащовки, предназначенные для покрасочных работ, в которых они походили на уморительных экзотических зебр, и спуститься на скоростном лифте на первый этаж.

Ски, уже облаченный в пестрое одеяние, юмористично изображал ждущего нетерпеливого коня, – озорно и размашисто бил воображаемым копытцем об пол. Он открыл нараспашку дверь, и, дружески махнув левой лапкой на прощанье Эйву, другой нажал несколько раз на красную кнопку вызова лифта. Двери подъемного устройства бесшумно распахнулись, и в ту же секунду из квартиры выскочил Ронд, застегивая на ходу последнюю пуговицу. Он затенился в полумраке лифта, где уже стоял десяток таких же, как они, по-

лосатых муравьев.

— Хороших вам скачек на сегодня, зебры! Победы на скачках! — весело пустил вдогонку Эйв, но было уже поздно, двери лифта закрылись. Он решил тогда приободрить себя и громко пропел. — Впе-е-ред, за работу! Впе-е-еред, вперед! Есть силы, и мы все преодолеем без пробле-е-ем!

Он высоко подпрыгнул на одной ножке, затем на другой, стряхнул последние, застрявшие в проплывающем сознании, невидимые капли сна и, развернувшись, продолжил работу по дому. В обязанности дежурного в среду и воскресенье обязательно входили: поход за живительным нектаром, выброс накопившегося мусора, шопинг-тур в супермаркет за продуктами и еще ряд домашних дел.

Эйв никогда не задумывался, что ему нравится больше: дежурить по дому или работать на заводе. Самое главное — труд, приносящий пользу. Для Ски и Ронда также не было никакой разницы, культ работы дамокловым мечом висел над всеми муравьями, незаметно так, подсознательно. Они не могли не работать, и пахали без усталости почти круглосуточно, при небольшом условии: лишь бы им давали время на коротенькие обеденные перерывы. И что бы они ни делали: трудились на заводском конвейере или стирали белье, растили домашних животных или собирали урожай, занимались уборкой в доме или готовили пищу, — любая полезная деятельность взращивала в них все новую и неутомимую тягу к труду. Это был своего рода утонченный наркотик, все

больше и сильнее затягивающий в свои сети рыженьких созданий. Для чего и для кого они работали?

Такой непростой вопрос распадался на крохотные частички молниеносно. Каждая рабочая особь должна была трудиться по закону Устава, довольно сухо и прямолинейно. Вот и все объяснение! Ради всеобщего блага! Однажды пытавшегося отлынивать от всеобщей трудовой повинности мураша, и открыто поинтересовавшегося на тему, о том, ради какой-такой, собственно, цели и на чье благо он должен гнуть спину, дружно подхватили четверо других муравьев и отнесли его в Правовую инспекцию. На следующий солнечный день вопрошавший муравей не появился на своем рабочем месте, которое ему, судя по всему, надоело. «Не хочешь добросовестно трудиться, не работай, но и другим не мешай, не сбивай их с истинного пути!» Некоторые особи пытались понять, что за странные мысли посетили новоявленного бунтаря, но не пришли ни к каким логическим выводам и решили, что, возможно, он спятил в свои сорок с небольшим лет, имени его никто не помнил, так он и остался в памяти у всех «ленивым мурашом».

Радостный Эйв захлопнул входную дверь и бодречком вернулся на кухню. Сначала ему предстояла несложная работа – помыть посуду, а затем постирать спецодежду. Основная нагрузка на кухонном поле битвы лежала на плечи электроники: посудомоечная машина, любимая Эйвом больше

других аппаратов, неожиданно «зачихала» и сломалась вчера вечером, и механик сервисной службы, вызванный Рондом, должен был прийти сегодня в девять. Оставалось больше час до прихода ремонтника, но Эйв не мог сидеть без дела и решил вымыть посуду лапками. Так уже случалось иногда, на памяти Эйва – три или четыре раза, когда автоматические друзья ленились и отказывались помогать, симулируя поломку. Три года назад после частых технических сбоев пресловутых «посудомоек» во многих квартирах кондоминиума, было решено заменить все модели на абсолютно новые модернизированные машины. Гарантийный срок нового проекта составлял не менее пяти лет, но все же техника не выдерживала напряженной работы и иногда «засыпала на ходу».

Наскоро покончив с помывкой посуды, муравей планировал взяться за стирку рабочей одежды, что осталась после трудовой недели, но, не успев еще начаться, процедура стирки была прервана двумя короткими звонками в дверь.

«Может, это уже механик пришёл?» – подумал Эйв и быстро направился к двери.

В коридоре он по привычке бросил взгляд на часы, они вежливо отсвечивали половину девятого.

«Странно... для механика как-то немного рановато! Хотя, всякое бывает!»

Входная дверь широко, с шепелявым присвистом распахнулась, и на пороге материализовался муравей в новенькой,

еще толком непроглаженной и слегка отдающей раздражительным нафталином красно-зелёной униформе. Его широкие штаны-шаровары напомнили Эйву о какой-то скабрёзной шутке, услышанной недавно по телевизору, и он было невольно поплыл в улыбке, но тотчас же остановился, и замер на полувзвинченной ироничной ноте. Сквозь светлую кожаную фуражку с объёмной и неприлично выпирающей пластиковой кокардой, на которой красовалась ажурная буква «П», аккуратно насаженную на голову, проглядывали длинные смолянистые усики с легким пушком. Ничего не говоря, позвонивший почтальон энергично протянул хозяину квартиры крошечный цилиндр.

– Что это? Что это? – дважды вырвалось у Эйва, и полу-улыбка совсем исчезла. – Кому это?

– Это Вам! – был ответ (сама любезность). – Прошу, распишитесь в получении, пожалуйста.

– Мне?.. Ну-у-у, хорошо! Спасибо Вам! Конечно...

Хозяин квартиры шустро черкнул каракули в протянутом почтальонском блокноте, толстенном альбоме журнального формата, и мураш тут же испарился.

Эйв с Рондом постоянно получали электронные живописные послания от старинного приятеля Кинта: регулярно, с которой писал им бывший одноклассник, можно было только позавидовать.

Жизненные дороги слишком самоуверенного Кинта с му-

равьями более домашнего типа Эйвом и Рондом, кардинально разошлись сразу после выпуска из интерната. Немногие особи решаются, как Кинт: взять, собраться и уехать поступать учиться за тридевять земель в мореходную школу, в пугающую дальнюю-даль, в неизвестность. Восторженная морская романтика, прочно поселившаяся в сердце муравья примерно года за два до окончания интерната, родилась после проглатывания им одной за другой художественных книг об увлекательных путешествиях, которые он брал читать в интернатской библиотеке. За глянцеви́то-живописными картинками величавого моря-океана и сочиненными победами отважных путешественников, не было видно тяжкого изнурительного труда настоящих тружеников моря, как бы пафосно это ни звучало. Плюс ко всему мощнейшим толчком к выбору жизненного пути послужила экскурсия в военно-морской музей, организованная для воспитанников в год окончания заведения. В то время для взрослеющих муравьев было проведено непривычно много всевозможных поездок-экскурсий в плане профессионального самоопределения, муравьи попали в «волну», когда можно было делать выбор профессии: правительством страны было рекомендовано всем учебно-воспитательным заведениям обратить повышенное внимание к будущему простых рабочих муравьев. Похоже, на некоторых особей экскурсии действительно подействовали...

Кинт за полтора года с отличием и великолепной харак-

теристикой окончил специализированную мореходную школу и оттуда напрямиком направился работать на здоровенный рыболовный лайнер куда-то на северные моря с великой, но все же немного туманной, надеждой на вселенскую романтику. И, как оказалось в реальности, фееричные и аккуратно причесанные восторженные рассказы о пленительных кругосветных путешествиях и суровые, тяжелейшие реалистичные будни «крепостных морских владений» – два противоположных полюса. Кинт уходил в суровое, неприветливое море на рабочую тускло-серую вахту на несколько убийственных выматывающих недель, а по возвращению домой, старательно описывал свои морские путешествия старым друзьям, нисколько не стесняясь, опираясь на художественный опыт писателей-романтиков. Три-четыре дня домашнего отдыха, и затем снова – в изнуряющий, трудовой поход. Но, несмотря на все нескончаемые трудности, негибемый муравей-романтик ни разу не пожалел о своем жизненном выборе.

У Эйва не всегда получалось отвечать сразу на письмо Кинту, зачастую он откладывал ответ «на завтра», которое день за днем перерастало в «послезавтра», и, в лучшем случае, – в недельную отсрочку. Мураш не очень любил рассказывать про свою жизнь. Да и что писать-то? Все до идеальной гладкости однотонно и обыденно, холодно и однозвучно, и, похоже, так будет до окончания дней. Жизненный график движения один-единственный: дом-работа, работа-дом.

На все остальное — просто нет свободного времени и сил. Иногда появляется время, но сил уже действительно нет... нет сил и все! Вот нет их! Выпадают редкие радужные волшебные дни, когда случается раскрасить жизненные будни ярчайшими цветными красками, но это очень и очень редко. Взять хотя бы для примера весенний карнавал, который уже годами-десятилетиями-веками проводится по одному сценарию...

Последняя электронная весточка от Кинта прилетала с почтальоном не месяц назад, как обычно, а много позже — прошло уже целых три или четыре месяца. А Эйв и Ронд даже и не заметили затянувшегося молчания старого приятеля, и только сейчас Эйв вспомнил о мореплавателе.

Глава 7

БЕЛЫЙ

«Опять новенький почтальон-разносчик? Молчаливый какой-то. Раньше с Джеромом можно было перекинуться новостями, поболтать пяток минут! А этот – сразу убежал, даже не познакомились. Непривычно как-то. И письмо – интересно от кого, от Кинта? Вроде от него приходили красные капсулы, а тут...».

На площадке этажа появился Торилл, муравей-солдат из соседней квартиры. В ядовито-желтых беговых кроссовках, в смешных камуфляжных обтягивающих трико и бледно-зеленой футболке с белой звездой и отчеканенной надписью «А.Ф.С» он сейчас больше напоминал озорного высокорослого кузнечика, чем сержанта действующей армии. Старательно накаченные мускулы Торилла рельефно выпирали из-под спортивной формы, – настоящий Геркулес, да и только! В правой чугунной лапке он душил захудалый рюкзачок, топорно пошитый самостоятельно, в узенький полосатый треугольный кармашек сбоку на рюкзаке Торилл пытался впихнуть жетон-ключ от квартиры, но, похоже, что-то где-то зацепилось, и он нервно бурчал. Муравей поначалу направился к лифту, но, заметив Эйва у раскрытой двери,

направился к нему.

– Утро доброе, Эйв! Вижу ты в полном здравии, так сказать?! – Торилл решительно протянул лапку для приветственного пожатия. – Все ли в жизни твоей хорошо?

– Доброе-доброе утро, Торилл! Да, все хорошо, все...

– Отлично-отлично!

– Да! Вроде все – хорошо, все – в полном порядке! – Эйв также с удовольствием вытянул лапку, и соседи поздоровались. Эйв был рад увидеть в отличной форме своего соседа. – Здоровье – в полном порядке, спасибо! Работать – как всегда, работаем непрерывно, так что – все нормально, ничего не меняется в нашем мире!

– Это точно! Точно, да! Работать надо-надо! Но, все же, в мире иногда что-нибудь да меняется, тут уж я не совсем с тобой согласен...

– Я не про то... Мы – самые обычные рабочие муравьи! Очень-очень рад, что тебя встретил! Что-то давненько тебя не было видно? Давненько... ты где пропадал? Куда-то ездил опять?

– Это ты в самую десятку попал – точно, уезжал, да!

– Вот-вот, смотрю я... и ребятам говорю...

– Приметил-приметил, что нет меня, наблюдательный ты, как всегда! Молодец! – Муравей неожиданно присел, чтобы зашнуровать кроссовок. – Да, что мы, что мы? Мы же, как и всегда, – нам приказ, мы и поехали...

– Ясно. А я смотрю – нет и нет тебя... ребят спрашиваю,

они говорят – тоже давно уж не видели...

– Мы же постоянно выезжаем по области. Да, в принципе, и не только по области. Работа у нас такая, сам знаешь ведь! Да...

– Да, работа – у каждого своя. И у каждой профессии – свои плюсы и минусы, так сказать...

От радужно-пышущего жизнью Торилла смертельно разило за версту едкой специфической смесью огуречного одеколона, полуночного кострища и утренне-вечерних физических занятий, просто беспощадно убивая все живое в ближайшей округе наповал, а неживое – мгновенно превращая в ледяные каменные изваяния, точно после свинцового пронизывающего взгляда Медузы Горгоны. Эйв учуял это шикарное амбре, как только пехотинец появился на площадке, словно тот перед «выходом в люди» специально набрызгался своим неповторимым ядреным армейским ароматом.

«Разве так сложно выполнять несколько жизненных правил: почаще принимать душ и хотя бы изредка стирать свою одежду, не ходить в ней после утренних пробежек или после чего-то там еще...» – Эйв со всей учтивостью сдерживал в себе кипевшие эмоции, ведь он всегда уважительно относился к соседу.

Торилл жил по соседству уже больше пяти лет, и Эйв, встречая солдата каждый раз, отмечал про себя, что тот в новом одеянии. То он облачался в шикарную военную форму,

напоминавшей парадную: резво-зеленая фуражка с ажурной кокардой на его громадной голове смотрелась весьма солидно, и, торчащие по краям головного убора, усики гармонично дополняли образ настоящего армейского профи. Исправно скроенный под его размер китель с серебристыми погонами и ослепительно белым щегольским аксельбантом, строгие отглаженные брюки и начищенные классические туфли завершали образ супер-воина. То он одевал оригинально раскрашенную черно-белыми квадратами авангардную спортивную кофту, явно собираясь на предстоящий чемпионат мира по шахматам, то элегантные песочные бриджи и нежно-сиреневую шелковую футболку с коротким рукавом и значком-логотипом спортивного общества «Диди», то классические лазурные джинсы с пестрым ультрамодным янтарно-коричневым пиджаком с заправленным платочком в нагрудном кармашке, то был в идеально черном с головы до нижних лапок и в пилотке, и каждый раз, несмотря на довольно странное и, порой, нелепое сочетание цветов, наряды на Торилле смотрелись великолепно, подчеркивая его стройную атлетическую фигуру. Этот эффектный, неотразимый, мускулистый муравей был просто идеально создан для работы моделью, но никак не служить в обычном армейском дивизионе, где уже лет десять славился профессиональными успехами на поприще обычного связиста и, конечно же, был первым во всевозможных спортивных разрядах.

Эйв хотел было уже отправляться дальше по своим де-

лам, но тут произошло небольшое событие, которое впоследствии имело продолжение...

– Эйв, ты, случаем, не знаешь, к чему снится кошка? Белая кошка такая большая? – неожиданно спросил Торилл и внимательно посмотрел на соседа, выжидая, что тот может ответить. – Интересно просто мне...

– Кошка?

– Да, такая большая!

– Белая такая?

– Ну-да-а-а, большая белая кошка! Сегодня всю ночь она снилась. И вот теперь хочу понять – к чему бы это?

– Хорошо! Тебе снилась белая кошка, а я тут причем? Я вот свои сны плохо помню... – Эйв стоял и улыбался.

– Я вот и спрашиваю тебя – не знаешь ли ты, к чему снятся большие белые кошки? Может, есть какая-то примета или...

– Так я ж не занимаюсь разгадыванием снов... и что-то мне подсказывает, я уже слышал от тебя этот вопрос про кошку белую... Ты раньше не спрашивал?

– Не было такого... первый раз спрашиваю... хотел вот узнать...

– А-а-а вообще, кроме того, мало помнить, кто снился тебе, надо же знать, что ты сам делал, что вокруг тебя делали, в какой обстановке, запахи там какие были – не были, что-то еще надо знать... А-а-а! Чувства, какие испытывал во сне – хорошо ли тебе, плохо ли было... как тебе было – светло, тепло, уютно?..

– Что-то ты грузишь меня... уже перебор, наверное... я ж про кошку спросил, а тут тебе тонкости аж прям-вот надо... Усложняешь ты, мне кажется. Я тебя напрямую спросил – про белую кошку и все. Вот ты мне сейчас и ответь просто про кош-ш-шку! Давай, просто про кошку! – Торилл говорил вполне серьезно.

– Ты серьезно? Торилл, вроде это тебе хотелось услышать что-то о каком-то кошаке, так ведь? – Эйв не выдержал и засмеялся.

– Конечно, мне, кому ж еще? Раз я тебя спросил, вот и отвечай мне...

– Ох, в общем, если серьезно, то очень много факторов надо... Вот, что ты больше всего запомнил в своем сне? Это тоже важно! И вот на основе всего э-э-этого – тебе могут что-либо определенное сказать по твоему сну... то есть, надо как можно подробнее рассказать, тогда и ясно будет более-менее...

– Кто может сказать? – хмыкнул Торилл.

– Я думаю те, кто разбираются в снах...

– А-а-а, ты?

– Ты помнишь, чего еще было? Или только кошку? Да, доброе утро! – Эйв поздоровался с соседом из другой квартиры, который мягко и почти беззвучно проплыл за спиной Торилла к лифту.

– Эйв, ты, явно сможешь мне помочь, подсказать, к чему этот сон, раз столько знаешь! Ты погоди, не торопи ме-

ня! Давай так... – солдат обнадеживающе взглянул на соседа и продолжал. – Кошка белая – одна единица, солнце яркое – тоже одна единица, хотя тут вроде без вариантов, большая поляна и лес – так же всего по одному...

– Во-о-о, живая природа – плюстик тебе! Что-то ведь вспомнил! Видишь, как... – прищурился в улыбке Эйв.

– Да-а-а? Ну, было еще море где-то очень далеко-далеко, но я его слышал. Слышал, как шипит, то есть, шумит море, как прибой чего-то там..., как играют волны, прямо-вот плещутся так... хотя, море было где-то на краю земли. Но все же слышно было, правда! А кошка, кошка эта белая такая – ходила-гуляла по полянке, все чего-то мурлыкала себе под нос...

– Смешно! Ладно, так она еще и не простая кошка была? – Эйв все пытался расшевелить Торилла в воспоминаниях и все иронично поддевал его.

– Да, такая она... такая кошка была... странная, что ли, можно так сказать? Танцевала немножко по поляне, кружилась, собирала-собирала траву, а потом приблизилась ко мне, повернулась так... – и он изобразил, довольно изящный разворот на все 360 градусов, – и протянула полную охапку иван-чая. Такие красивые нежные цветы, розовато-сиреневые что ли... вот они-то мне больше всего и запомнились, ну, и кошка, как самый главный герой, осталась в памяти... кстати, вот ты говорил, что запомнилось – вот они и есть, я имею ввиду – цветы иван-чая. Они-то мне и вклинились, так

сказать, в память!

– Ясно, Торилл, а вот насчет одного-единственного солнца ты можешь ошибаться, – роль толкователя снов Эйву нравилась все больше и больше, и он все активнее в нее вживался. – С кошкой понятны дела, а вот про букет иван-чая, Торилл, ты все же принял в подарок? Правильно я понял – кошка тебе его протянула – подарить хотела? Так? Правильно?

– Вот видишь, спокойно шаг за шагом, сейчас и разгадаем весь мой сон!

– Разгадаем, точно! К бабке не ходи!

– Какой-такой бабке не ходить? Да, она подарить хотела! Но не подарила, точнее, я не взял букет. – Торилл задумался, энергично почесал лапкой пропodeум, как будто мозг его находился на уровне живота. – Не-е-ет, слушай-слушай, она ж подарила все-таки, да, подарила она букет и сказала чего-то такое... такое... а-а-а, ну, она так с улыбкой и сказала: «Это тебе, Торилл!» Точно, сказала и подарила букет. И я его взял, только вот точно уже дальше ничегошеньки не помню...

– Все, точно не помнишь ничего?

– Пока не помню, как вспомню, так скажу.

– Да уж... – облегченно вздохнул Эйв.

– Пока все, что есть, вся информация. Хватает для анализа, так сказать? Или еще надо – «детали» ты говорил, но вот что вспомнил, то уж есть... Скажи, Эйв, вот по тому, что уж набралось для разгадывания сна моего...

– В общем, слушай, Торилл дорогой, – с сумрачно-таинственным видом начал Эйв, совсем нисколько в данную минуту не шутивший, хотя и был ни в зуб ногой по решению мистических ребусов снов. – Белая кошка твоя – это, скорее всего, кто-то из твоих новых малознакомых товарищей. Есть такие у тебя?

– Да-а-а, кто их знает? Может и есть такие. Надо думать, вспоминать...

– Ну, вот и вспоминай!

– Я не помню...

– Ну, это, скорее всего, должна быть девушка. Муравыха какая-то. Тут должно быть все прозрачно...

– Это еще почему?

– Слушай, Торилл, тут надо провести строгое разграничение: у кого тут сон, а кто тут занимается толкованием сна?

– Давай. Как скажешь – так и сделаем!

– Итак, у тебя вопросов больше, чем у меня ответов. Я еще ничего не начал рассказывать, а ты вопросами сыплешь и сыплешь... так не пойдет, ты слушай спокойно и внимай!

– Да я... – начал оправдываться военный.

– Дойдет очередь – все расскажу! Я ж не отказываюсь разгадывать, правильно? Ты меня попросил, а я, как товарищ – товарищу, решил помочь...

– Хорошо, давай-давай, я спокойно слушаю дальше. – Торилл на минуту артистично вытянулся, как при команде «смирно» и отдал воинскую честь. – Не прерываю более!..

Все, молчок-молчок!

– Про-дол-жа-ююю... – с расстановкой сказал серьезный Эйв.

– Я – молчок! – повторил Торилл.

– Продолжаю... так во-о-от, этот кто-то, та самая танцующая белая кошка, хочет захватить, так сказать, завоевать твой внутренний мир, понять тебя, наверное так... да-а-а, и скажу сразу: это не плохо, и это не хорошо, это – просто констатация факта. Прими это как есть и все!

– Ужас какой! Жуть-жуть-жуть! Жуть ты говоришь мне... – весело произнес Торилл.

– Ведь, причем основательно так наметилась на тебя! Понимаешь-нет? Завоевать внутренний мир, познать тебя! А, может даже, и влюбиться, чем черт не шутит! Ты у нас муравей – хоть куда!

– Весело ты чешешь! Интересно слушать!

– Да уж как умею...

– Все хорошо, давай дальше. Мне нравится пока что...

– Юморист ты! Скажешь тоже, причем тут нравится или не нравится? Это ж не бабушкины сказки, чтобы нравиться, а целая наука!

– А-а-а...

– Вот те-е-е и «а-а-а»! Понимаешь? Даже в наших поликлиниках есть врачи, которые занимаются снами! – Эйва уже невозможно было остановить, течение бурной фантазии и перевоплощения несло его мужественный кораблик в от-

крытое кипучее море. С видом всезнающего доктора наук, он продолжал анализ сна своего соседа.

– Так вот, хочу сделать акцент на том, что ты в своем сновидении слышал активно и на том, что ты получил в дар! Акцент... понимаешь? Так вот, это шум моря, которое непонятно как далеко, и яркие цветы. А это, между прочим, два самых активных романтических начала, то есть что?..

– Что? Что есть «то есть что»? – Торилл внимал рассказу Эйва, как самый прилежный первоклассник в начальной школе на уроке сосредоточенно слушает учителя и познает мировые истины. – «Романтические начала» – я так думаю, это отлично, это мне практически понятно, а дальше – что?

– Старик, я и спрашиваю тебя – что это?

– Что? Не понимаю тебя!

– О-о-ох! А то, что дальше – все зависит от тебя самого... тут уж тебе самому предстоит сделать выбор в ближайшем будущем – принять «букет», то бишь – подарок судьбы, либо не принять. Торилл, только вот что будет стоять за этим сюрпризом – не совсем ясно... не совсем...

– Почему неясно?

– Ну-у-у, так вот... так что, смотри, прежде сделать выбор какой-никакой – задумайся хорошенько и действуй, солдат! Это уж я тебе по-дружески сейчас все тут говорю!

– Спасибо тебе, Эйв!

– И не обижайся, если что не так тебе наговорил. Время придет – и все-все будет ясно.

– Это всегда так, мне кажется...

– Жизнь, конечно, подскажет тебе, но ты, Торилл, сам не оплошай! Ты у нас – умный и сильный, сильный, конечно, больше, но все же... Ты уж точно сможешь преодолеть все трудности и преграды, которые жизнь поставит на твоём пути! И-и-и, правда, прости меня, что не так сказал.

– Ну-у-у, Эйв, ну, Эйв!!! Спасибо тебе огромное! – эмоции переполняли Торилла, он сначала крепко обнял по-братски муравья, затем взял его крохотную лапку в свои две огромные лапищи и затряс ее в искренней благодарности. – Благодарю тебя, друг! Вселил в меня радость большую, оптимизмом зарядил! Спасибо! Очень ты меня тронул своим... вот этим... своей разборкой сна. Я обещаю, обещаю тебе, что буду внимательнее к жизни, и буду стараться, как ты тут сейчас говорил – «задумайся и действуй, солдат!» Это точно, про меня! Спасибо!

Соседи перекинулись еще парой чувственных фраз о жизни, – проходящей и предстоящей, и разбежались по своим важным делам: спортивный Торилл поспешил на утреннюю пробежку, хотя среди недели он тренировался по времени намного раньше, а в этот воскресный день не смог найти в себе силы подняться – сегодня ночью он вернулся из очередной командировки, а Эйв, как всегда, окунулся в домашние дела.

Муравей захлопнул дверь и поспешил в ванную, чтобы запустить стиральную машину. Полученный от почтальона ци-

линдрик он поставил на зеркальную тумбочку в прихожей, надеясь потом в спокойной обстановке ознакомиться с содержимым. «Умирающая профессия – почтальон! Все переходят на электронные послания, и скоро почтальоны не нужны будут совсем! Вот она жизнь – движется дальше, вот он – прогресс, на смену живым муравьям приходят электронные заменители, что будет дальше?»

Ровно в девять часов, и ни единой минутой позже, прибыл механик сервисной службы и сходу приступил к ремонту посудомоечной машины, «вызовов очень много, и нет совсем времени», – только и услышал Эйв в ответ на свой наивный вопрос: «Что-то серьезное?» Меньше через час аппарат исправно урчал. Дежурный Эйв тоже закончил ручные постирушки с рабочей одеждой, оставалось только развесить ее сушиться. Молодцеватый монтер, небрежно громяхая инструментом на кухне, все время что-то бурчал и бурчал себе под нос, и когда к нему подошел Эйв, разразился на него, будто тот был виноват во всех смертных грехах, но все же довольный конечным результатом своей работы, перед уходом заявил, чтобы хозяин квартиры не обижался на него.

Глава 8

БЕЛЫЙ

После того, как бурчащий на всех и вся механик удался, Эйв поспешно развесил выстиранное белье сушиться в ванной: балкона для таких целей у муравьев не было, как в некоторых других квартирах многоэтажки, а в комнате они не любили хаотичный кавардак, пусть он и «рабочий беспорядок». Следующей важной деятельной строкой в графике дежурного стоял строгий пункт – «поход за соком». За божественным нектаром приходилось бегать на своих двоих в дальний район города с канистрами по десять литров, так как в ежедневный рацион каждого муравья входит приличное потребление живительного сока.

Дежурили трудолюбивые муравьи в своей квартире ежедневно, по очереди. Три раза в неделю: во вторник, пятницу и воскресенье – были сложные, удлиненные смены, с раннего утра и до самого позднего вечера. Ответственный по всем домашним делам автоматически освобождался в этот день от работы на основном месте и трудился только по хозяйству: изо всех сил старался-готовил пищу, стирал, убирал, гладил, ходил за продуктами и за соком на родничок... В остальные дни недели – дневальным также хватало работы, без дела му-

раши никогда не сидели, им даже в голову не приходило отлынивать от исполнения трудовых обязательств перед своими товарищами. Эйв как-то в день очередного дежурства поймал себя на мысли, что «весь день крутишься, успеваешь сделать с утра до вечера сто разных дел, а их как будто и не убывает, на следующий день – уже запланировано новых сто проектов, и когда все успевать? Хоть круглосуточно работай...»

В комнате муравей скорострельно переоделся: на широкий кожаный ремень джинсовых брюк он ловко подцепил общие электронные мини-часики, вместо «домашней» рубашки натянул фланелевую, на минуту он задержался в прихожей, припоминая, – не забыл ли чего. «Вроде все в норме!» Эйв накинул легкую черную куртку-ветровку, – а то, чего доброго, еще дождь ливанет, огляделся и вышел на лестничную площадку, с размаху захлопнув дверь, и дотронулся до кнопки лифта, та подмигнула зеленым глазиком. Скоростной футляр, словно ждал хозяина, молниеносно раскрыл свои объятия, и когда тот вошел в ярко-освещенную кабину, отрезал от него внешний мир. И с глухим щелчком дверей лифта Эйв неожиданно вспомнил, что не взял самое главное – канистры для сока.

«О-оба-а-алде-е-еть! Как это меня угораздило?!» – усмехнулся про себя мураш, и тут же ткнул в «Стоп!» и следом – на кнопку родного этажа, прыжком вынырнул из открываю-

щихся дверей.

«Смешно!.. Забыл!.. Ну, надо же такое учудить?»

В одно мгновение распахнул входную дверь, благо канистры всегда стояли в скрытом комоде в прихожей...

Снова оказавшись в замкнутой тишине лифта, Эйв живо воскресил в памяти раннюю встречу с почтальоном.

«Письмо надо бы обязательно сегодня посмотреть! Что там? Наверняка, от нашего Кинта послание... Интересно-интересно почитать его романтические сказки о волшебном море... И, вообще, что-то он давненько нам не писал, как бы чего там у него ни случилось...»

Вдруг что-то снизу в полу щелкнуло, неприятно с тяжелым оттянутым скрежетом протянуло вдоль всего корпуса лифтовой кабины, напряженно мигнул свет, еще раз мигнул, повеяло зловонной сыростью (или только так показалось), и урчащий лифт убийственно вздрогнул, вдруг наступила звенящая до боли тишина, мертвенный аппарат тягостно «завис» на полминуты, которые для напуганного Эйва показались вековым седовласым затмением, затем опасная кабинка слегка боднулась из одной стороны в другую, будто бы ища равновесия, резко дважды встряхнула побелевшего пассажира и продолжила движение вниз.

«Что ж такое? Что ж такое у нас сегодня с утра происходит?! Звезды, что ли не так выстроились?» – обеспокоился Эйв. Очень скоро агрессивная кабинка плавно остановилась на первом этаже, двери беззвучно раскрылись, и му-

равей, бесконечно-осчастливленный, что короткое неприятно-экстремальное путешествие на лифте закончилось без каких-либо последствий, испуганно выскочил на гляцевый пол, искрометно сверкающим разноцветным радужным ламинатом, и радостно приветствуя приветливого консьержа так, как будто бы не видел его пару сотен лет:

– О-о-о, Дити, доброе утро, Дити! О-о-очень рад тебя видеть, Дити! Ты – молодец, ты – настоящее чудо!

– Д-д-доброе-д-д-доброе, Эйв! И я рад т-т-тебя видеть! – добродушно улыбался старичок. Пару лет назад он стал слегка заикаться, застревая на некоторых словах, – похоже, сказывался возраст.

– Как твоё здоровье? Все в порядке? Как работается? Как настрой на воскресный день?

– Да-а-а, с-с-с-спасибо, здоровье, как всегда, – в-в-в полном порядке! В-в-всё отлично, что и говорить! Погода, м-м-мне кажется, налаживается, а эт-т-т-то – самое главное для п-п-п-положительного настроения, не так ли?!

– Так ли, так ли! Погода – хорошо, что настраивается! Погода-то – погодой, а работать нам всегда надо, чтоб там дождь или ещё какая дрянь? – Эйв оглянулся на дверцы лифтовой кабины.

– Т-т-т-ты на родничок что ли собрался, д-д-да?

– Точно так! И как ты только догадался? Вот прямо в самое-самое «яблочко» попал! Удивительно – смог угадать! – с улыбкой парировал Эйв, он хотел сказать про аварию

в лифте, но не знал, стоит ли: – Тут... у нас в лифте какая-то проблема...

– М-м-м, и к-к-к-какая же? Что-то случилось?

– Да, я сейчас застрял на несколько минут, и свет погас...

– Вот-те раз! И ч-ч-что дальше? Ты нажал на кнопку в-в-вызова диспетчера? На кнопки н-н-н-нажимал, на какие-нибудь кнопки?

– Нет, не успел... как-то все быстро произошло, и само решилось...

– Эйв, т-т-т-ты напугался, поди што?

– Ну-у-у, как напугался? Не сильно, просто неожиданно все случилось – вот и напугался, но потом лифт поехал все равно.

– Хорошо, сейч-ч-час вызову ремонтника, он п-п-посмотрит обязательно! Главное, чтобы ничего с-с-серьезного не было.

– Хорошо, спасибо, я побегу дальше.

– Ну-у-у, в-в-всегда пожалуйста, это – наша работа – с-с-следить за порядком и за безопасностью! Удачного д-д-дня тебе!

– Спасибо-спасибо! И тебе, Дити, легкого дня и удачи! Давай, чтобы все было по высшему классу!

Едва стеклянные массивные подъездные двери за спиной Эйва с глуховатым свистом соединились друг с другом, как он почувствовал всем тельцем настоящее дыхание весны, впервые мартовское матовое солнце лепило по-весеннему

яркие и приветливые пирожки, и дарило всем окружающим, и сразу же в межвоздушном пространстве ощутило порхали наилегчайшие призраки ароматов распускающихся красавцев-деревьев, когда даже еще не совсем чувствуешь мечтательное дыхание, но уже знаешь, что они точно где-то рядом. После затяжного грозового ночного дождя повсюду иллюзорно зеркалили огромные островки луж, и венценосное солнце, пробудившееся намного раньше рабочих муравьев и поднявшееся уже очень высоко, жизнерадостно веселилось, принимая эфемерные водяные ванны, призывая своими всепроникающими лучиками всех вокруг подключиться к активному участию в его незатейливом хороводе, поддразнивая и выманивая на воскресную прогулку.

ЗЕЛЕНЫЙ

Амина откинула прядь темных выющихся волос легким движением лапки. Тонкими кончиками пальцев она немного нервно выстукивала неясную мелодию. Яркий свет, заполняющий всю комнату, доставлял Амине непонятную радость, такую приятную, нежную, ласковую.

«И тогда я поеду... я поеду...», – но вот дальше как-то не связывалось, дальше упрямая мысль застопорилась, и ни в какую не хотела развиваться и искать такой простой, казалось бы ответ.

Куда она поедет – ясности совершенно никакой! Что ждет ее в ближайшие дни – сплошной, белесый, непроглядный туман, как говорится, – «туман туманный», который так не вовремя обрушился, впрочем, разве бывает такое, что наваливается вовремя. Это просто происходит, а потом мы уже думаем: «Да-а-а, навалилось на нас энта весчь как-то не вовремя!»

Да и куда вообще Амина сможет поехать, когда у нее на руках сложный, совершенно неразрешенный вопрос. Тут хоть вовремя, хоть планируемо – сложностей хватает с головой... Возможно, что это самый главный, основной вопрос ее жизни... сейчас самое главное – чтобы роды прошли как следует, а дальше – само собой решится, дальше – ответ бу-

дет найден.

«Главное – что? Главное, как всегда, выстроить все по строгому порядку! Вот увижу свою кроху, и потом уже займусь вопросом, как и где буду жить... не пропаду, все лапки здоровы, силы есть – решу любой вопрос!»

Амина спокойно поднялась, подошла к большому, высокой аккурат две муравьи в высоту, овальному зеркалу и залюбовалась своим отражением. Как и большинство беременных муравьих, она была обворожительно привлекательна. Округлость придавала ей особый шарм и обаяние. Брюшко, точнее его самая верхняя часть, плавно выпирала, непривычно возвышалась, столь пленительный петиоль (соединительная часть между брюшком и грудью), еще совсем недавно, казалось еще вчера, такой женственный и такой сказочно-мягкий, сейчас был элегантно обтянут, словно огромный пупырчатый баскетбольный мяч. Казалось, что все живенькое тельце муравьи враз расползлось по швам, растянулось, и ее было совсем не узнать: глазки (те, что сложные глаза¹⁵ у муравьев) отчаянно растеклись из нежно-рысых в два голубых бесформенных озерца, пологие дикие берега которых обрывались рваной розовой глиной; опрятные прежде бордовые усики¹⁶ торчали как-то совсем не по строгому,

¹⁵ * Сложные* (фасеточные) глаза – у насекомых органы зрения не одинаковы по своему строению. На лбу или темени находятся три простых глазка, а по бокам располагаются два сложных глаза. Они передают в мозг большую часть получаемой визуальной информации.

¹⁶ * Усики – у муравьев коленчатые усики (как бы согнутые пополам), у самок

не по оптимистичному настрою, можно даже сказать, придавая образу перепончатокрылой незначительную, но все же небрежную неряшливость; усиковая ямка¹⁷, надежное убежище усиков, откуда они и произрастали, побагровела и значительно разбухла, и поэтому скапус¹⁸ уже не держался столь ровненьким; мандибулы¹⁹, наоборот подсохли и, на первый взгляд, казались чуть ли не вдвое меньше обычного. Но, несмотря на все чудодейственные превращения, Амина чувствовала себя необычайно хорошо и уютно в новом тельце.

Иногда муравьише иллюзорно казалось, что она слышит, и даже чувствует, внутри себя неопределенные, глухие звуки, а потом еще и нежно-розовые, мягкие поскребушки, и не совсем понимала: это так и должно быть в ее положении или все это противоестественно. Рачительные врачи, которые ревностно окружали беременных муравьиш со всех сторон, мило объясняли, рассказывая то одно, то другое, причем каждый раз добавляя новые пространные рассуждения, и она каждый раз быстро успокаивалась, надеясь только на хороший исход дела.

и рабочих муравьев – 11-12-члениковые, у самцов – 12-13-члениковые, у ряда видов – 4-, 6- или 10-члениковые.

¹⁷ * Усиковая ямка – место причленения усиков.

¹⁸ * Скапус – основной членик усика, обычно намного длиннее остальных.

¹⁹ * Мандибулы (жвалы) – верхние (парные) челюсти ротового аппарата членистоногих. Служат для разгрызания и размельчения пищи, а также строительных работ.

Амина спокойно поднялась, подошла к зеркалу и залюбовалась своим скромным отражением. Как и большинство беременных муравьиных особей, она была обворожительно привлекательна. Она покрутилась, осматривая себя в глубине зазеркального мира. Сказочный конусообразный животик... В полированной глади зеркала стремительно приближалось отражение муравья в белом халате.

– Давайте, пройдем в палату, Вам в любом случае лучше прилечь, – с простудной хрипотцой в голосе посоветовал медик.

– Конеш-шно, конеш-шно, уже иду, уже иду. Вот реши-шила чуток прогуляться, а то, как-то знаете, невесело сидится на одном месте. Скуш-ш-шновато немнош-шко... – у Амины в последнее время как-то смешно стала проявляться ее детская протяжная «ш-ш-ш», и она по-доброму щурилась каждый раз, когда ловила себя на мысли, что эта «ш-ш-ш» веселит окружающих.

– Что ж Вы убежали-то? – на мордочке муравья появилась улыбка, и он бережно под локоток²⁰ подхватил Амину, и увел ее в длинный коридор.

– Да-а-а скуш-шно же, говорю... Ну-у-у, правда... Погулять бы немнош-шко... – мольба беременной постепенно утонула среди однотонных светло-голубых стен.

– У Вас все в порядке? Ничего не требуется, а то скажите,

²⁰ * Локоток – как и многие части тела, которые в природе у муравьев не существует.

все сделаем? Если что-то не так – всегда можете смело говорить сестрам, они Вам помогут!

Глава 9

БЕЛЫЙ

Дорога к родничку, длиною ни много, ни мало в три четверти часа, сегодня явно сокращалась из-за приподнятого весеннего настроения.

«Сказочный старичок наш – Дити – все же пережил свой отпущенный срок. Он же тако-о-ой старенький! Сколько ему лет, интересно знать? Когда мы поселились сюда с Рондом, ходили слухи, что он добросовестно отработал больше полтинника! Больше пятидесяти! Это же... да, эта цифра даже не укладывается в голове... так это было еще тогда, практически еще в прошлой жизни. А сколько ему теперь уже? Подумать – ужас просто! И ведь не устраниют его, хотя кто захочет уволить исправного трудолюбивого работника? Устраняют только по объективным причинам и ленивых муравьев! Надо уж слишком опуститься, чтобы тебя уволили. А этот – настоящий профи своего дела, и, похоже, своего любимого дела. Он все досконально знает, что надо и что не надо, и всех мурашей прекрасно выучил – наверное, к каждому жильцу нашел свои персональные секреты-ключики, и значительный плюс ко всему – нисколько не ленится! Не ленится он, просто – молодчинка! Интересно, бывают ли в приро-

де ленивые особи, вообще, в принципе возможно ли такое? Да, в общей сложности лет шестьдесят или больше он отработал? Сколько уж получается? И не стремится уйти... да и куда, и зачем ему уходить, если тут есть работа и он чувствует, что нужен нам, нужен обществу, а где-то там, где-то вне нашего дома – он станет, а это – точно, „отработанным шлаком“, брошенным всеми и оставленным на выживание...»

Путь к живительному родничку, служившему на протяжении многих веков настоящей «дорогой жизни» для перепончатокрылых города Кехидупан²¹, пролегал через всю сквозящую нескончаемо-длинную Шестьдесят вторую улицу, вдоль глянцевой, сухой, безжизненной стены однообразных плоских, невыразительных многоэтажных монстров, совсем изредка перемежаясь несуразными, разномастными пестрыми стеклянными кубами супермаркетов.

Единственным примечательным зданием на вышеуказанной Шестьдесят второй являлся Конгресс-зал, дружелюбно объединяющий воедино с пару десятков частных незначительных телевизионных студий и пресс-центров, и один государственный мега-телеканал. Можно откровенно сказать, положив руку на сердце, что Конгресс-зал своими амбициозными архитектурными формами был одним-единствен-

²¹ * Кехидупан – столица Государства, город расположен в центре страны. Население – около 11,2 млн муравьев

ным зданием, которое полноценно (с художественно-эстетической точки зрения) компенсировало весь прилегающий рядом однотипный серенький район. Будто замерев в неведомом архитектурном экстазе, в геометрически-правильной форме мистического октаэдра, изумительно красивый высотный дом, по праву мог считаться настоящим произведением современного архитектурного искусства. И нижняя фатально-странная перевернутая пирамида, будто бы поджатая со всех четырех сторон, и верхняя – изумительно правильной формы, обе безраздельно красовались разноцветными стеклянными окнами, сквозили загадочной радугой, точнее с первого этажа, с самой земли, асфальтового покрытия, до остроугольной вершины двадцать восьмого, – все миллионные призрачные цвета радужного коромысла полифонично перетекали из одного в другой. Солнечных лучей жизнерадостное отражение от поверхности почти идеально зеркальных треугольников и ромбиков издалика привлекало всеобщее внимание, завораживая взгляды горожан и удивляя туристов, временами превращаясь в панцирь жуткого громадного древнего земноводного, который на все лады озабоченно журчал заплаточно-чешуйчатыми переливами.

Шестьдесят вторая спонтанно обрываясь, довольно легко переходила в грустный широкий туннель, по которому следовало прошагать еще с десятков минут, чтобы очутиться на Сто сороковой улице, а оттуда уж и до Третьего квартала,

где находился родничок, – рукой подать.

Подпрыгивая по родной Шестьдесят второй, Эйв с налетом неподдельной грусти отметил про себя, что в это ясное красочное воскресенье необычно много муравьев на улицах безоблачного города: все бежали нескончаемой вереницей, торопились, ехали, опаздывали, спотыкались, сталкиваясь, останавливались и, обменявшись взглядами, снова продолжали путь.

Новенький чистый автобус непривычно нежно-персикового цвета с широкой белой полосой и надписью «Специальные Линии СП—Экспресс» беззвучно притормозил совсем немного не доезжая до перекрестка, на остановке рейсовых маршрутов, и из него бойко выскочили два муравья, а двухэтажный лайнер, выпустив несколькими хлопками очередную порцию смертельного земляного дыма, словно гусеница изогнулся и свернул на Пятьдесят шестую улицу. Второпях Эйв чуть было не проскочил мимо вышедшего из автобуса муравья, но тут произошло что-то необычное. Выскочивший мураш резко протянул Эйву рыжую лапку, преграждая, как шлагбаумом, дорогу спешащему по хозяйственным делам дежурному муравью.

– Стоп-стоп-сто-о-оп! По этой стор-р-роне Шестьдесят второй улицы стр-р-рого запрещ-щ-щено прогуливаться с пустыми канистрами!!! Разве Вы не слышали о последней поправке в статье 129-ой?! Это же настоящее нар-р-рушение пор-р-рядка! Нар-р-рушение пор-р-рядка! Как Вы, так

вот запр-р-росто, игнор-р-рируете законы! Это очень нехор-р-рошо!

Опешивший на минуту Эйв поднял испуганные глаза на прохожего и, совершенно ничего не понимая, широко открыл рот, чтобы хоть что-то вразумительное ответить на такое сумасбродное утверждение, но, как назло ничего подходящего на ум не приходило. Его мандибулы начали нервно подергиваться одна за другой.

«Что за ужасная дрянь такая? Какая чушь! Что вообще происходит, брюк-медрюк? Кто это такой? Кто такое придумал-то? Что за чушь?!» – тут же пронеслось в голове Эйва.

Ничего не предпринимая, препротивный муравей выжидающе стоял и неприятно буравил взглядом остановившегося Эйва. Но тут дежурный мураш зацепил знакомые черточки – то глаза, то ли скапус, то ли..., зацепил так самым кончиком коготка, легким движением наличника, что находится над мандибулами, самым полу-взглядом, он подумал, что здесь что-то не то. Разбуженная память на сотую долю секунды приподняла его за плечи и хорошенько вздернула, вернув его в далекое прошлое, и он припомнил этот птичий разрез глаз, этот веселый пристальный взгляд, но точно сказать никак не мог, где же встречал раньше этого муравья.

– Вы... Вы... Вы что-то путаете? Разве... откуда Вы вообще это в-в-взяли?.. – с непонятной интонацией, – то ли спрашивая, то ли отвечая, опешивший Эйв выдавливал по крохам из себя слова. – Поправок-то... поправок уже полго-

да никаких не принималось, разве не так? Вы-ы-ы шутите что ли?..

– Старина, Эйв, ты меня не узнал?! Ставлю двадцать единиц, что ты меня не узнал! Я – Афт! Помнишь, мы на радиозаводе три года вместе отпахали? Ну-ну, разве забыл? Вспомнил? Давай-давай, вспоминай! А-а-афт! Я тебя вот прям так, сходу узнал!

– Гх-х-хааа, – только и выскочило удивленно из Эйва.

– Афт! Помнишь меня? Ну, давай уже, вспоминай! – раззадоренный муравей принялся показывать фактурно себя в фас и в профиль, немного кривляясь, и все это сопровождалось его заразительным смехом.

– Нет, конечно, помню, конечно, помню!

– Ну, вот!

– Помню я... а я смотрю – какой-то знакомый мураш стоит, а кто – никак не могу понять с ходу-то?

– Класс! Вот теперь и не с ходу узнал – замечательно!

– А я смотрю... Вот хоть прибеги ты меня – не могу и все! Ну, ты меня и напугал, черт! Реально же напугал со своими канистрами, черт такой! Что за шутки у тебя?

– Естессно, не можешь понять, хоть и прошло всего лет семь! Вроде семь?

– Семь уже?..

– Ну да, семь и есть! Но каких лет-то прошло! Каких лет! Изменился я? Да и не только я изменился! – скороговоркой выпалил Афт. И только тут старые приятели набросились

друг на друга и крепко обнялись. – Ты уж прости меня, не хотел напугать тебя, не со зла я... Просто пошутить хотел...

– Да-а-а, уж, ты изменился! Не семь, наверное, а шесть лет прошло... – начал было Эйв, но Афт его прервал.

– Да, многое изменилось с тех пор, очень многое. Нас тогда преспокойно устранили и закрутилось все... закружилось...

– После тогдашнего увольнения слухи ходили, что...

– Да что там «слухи ходили», – опять резко оборвал Эйва Афт, делая ударение на «что там». – Слухи всегда ходят, на то они и слухи! – Афт громко рассмеялся, затем в полсипа прокашлялся и снова продолжал. – Про забастовку-то? Я знаю, что мутно толковали про митинг и что-то такое... толковали... ну... как тебе сказать... устранили, да и все...

– Да-а-а, уж... «устранили, да и все»...

– Ну да! Жизнь, сам же знаешь, не простая она... Жизнь – очень сложная головоломка, порой идут сплошные загадки за загадками!

– Так это все бы-ло, на са-мом де-ле бы-ло? – Эйв спросил очень неуверенно, произнося медленно по слогам каждое слово, и пока говорил осторожно смотрел по сторонам. – Правда что ли было?

– Ну, ты даешь, старина-а-а! Да нет, конечно же! – Афт нервно шевельнул усиками и продолжил. – Насочиняли тогда все! Проще было насочинять, чем говорить правду и объяснять все...

– Почему-то я так и думал... Чувствовал, что неправда все это...

– Конечно! Никакой забастовки не было, да и не могло быть! Так по факту-то и отстранения никакого не было... это все для видимости сделали, хотя, можно было и по-другому, по нормальному, безо всяких там «левых-правых» дел... все у нас, как всегда, через одно место делается... не знаю... не понимаю, зачем они с нами так...

– Вообще странно... зачем – нисколько и никому не понятно!

– Ладно, что было, то уже было, а сейчас – жизнь продолжается! Ты, я вижу, как всегда, не ленишься, по рабочим делам бежишь, на родничок что ли идешь? – спросил Афт, кивнув на канистры. – Пойдем, пройдемся, я с тобой немного прогуляюсь хотя бы до туннеля.

– Конечно, пошли, немного поболтаем хоть. Столько с тобой не виделись... расскажешь про жизнь!

– Вот-вот! Послушаю тебя про жизнь!

– Когда еще свидимся... Все, давай, пошли! Целых шесть лет не виделись... это ж надо! Расскажи, давай, как ты, что у тебя в жизни происходит.

– Да, как всегда, по шаблонному проекту у нас – дом, да работа, да снова дом... Ничего нового и интересного... Что у простого рабочего муравья может происходить интересно в жизни?

– М-м-м, ну так-то много чего может, если сам захочешь!

– Вот тут задумаюсь немного! Хорошая мысль!

– Ты сейчас работаешь?.. Где работаешь? Работать надо обязательно, лениться никак нельзя, «только труд нам помогает в жизни двигаться и полноценно развиваться»! Ты же помнишь, как нас учили. Давай, пошли, пошли!

Бывает в жизни так: случайно встречаешь старого товарища и, вроде бы, давным-давно многолетно не виделись, и, вроде как, жутко соскучились по общению друг с другом, и, безусловно, рады нежданно-негаданной встрече, но вот пару-тройку слов сказали, обменялись поверхностной, легковесной информацией о себе – «что, да где, да как, да планы какие», и все, можно маркером поставить «галочку» и равнодушно сказать с почти незаметной горчинкой: «наелся до отвала», пресытился беглым общением, и нет особого желания дальше слушать его подробные рассказы о нелегкой судьбе, да и раскошелиться, делиться своими жизненными передрягами тоже как-то не особо охота. Причем, очень часто так бывает, практически в девяти из десяти случаев. Но все же случаются и исключения. Наткнулся на древнего знакомого, вроде и не сказать, что самого закадычного друга, но начали делиться пережитым за все годы, что не виделись, и остановиться нет никаких сил, совсем не хочется расставаться, вот хоть убей. От чего все зависит? То ли от сиюминутного настроения, то ли от внутреннего магнита к данной особи, то ли еще от чего... и, ведь, готов стоять, и болтать бес-

конечно с ним о всякой жизненной чепухе, хоть и прекрасно понимаешь, что времени особо нет на пустые разговоры, но не можешь никак оторваться от него или от нее, хоть ты тресни...

Глава 10

БЕЛЫЙ

Два муравья, дружно вышагивая в одну лапку, направились вдоль улицы, их незатейливый разговор все больше и больше оживлялся, и, когда они пересекли широченный проспект – Пятьдесят шестую, веселый и жизнерадостный Афт как-то неожиданно переменился в лице и резко оглянулся, будто бы проверяя, не следует ли за ними кто-либо, и, убедившись в отсутствии призрачной слежки, с превеликим удовольствием, что у него есть достойный слушатель, продолжил свой красочный рассказ.

– Нас ведь тогда все две сотни муравьев отправили в Стриритс*? А обратно вернулось меньше сорока.

– Как так?

– Да вот так! Я тебе говорю: сорок из двух сотен! Ты вот представляешь? Чувствуешь разницу: двести и сорок! Двести и сорок, две-е-ести и-и-и со-о-орок! – Афт выделял обе цифры, давая прочувствовать всю соль разницы между тем, сколько было и сколько осталось.

– Это... это просто... это фантастическая разница...

– Да, не то слово... все равно... ну-у-у, все равно эти цифры не ощущаются в простых наших словах... Так вот, что я

скажу: за те бесконечно-долгие пять лет, проведенных, ну, то есть, в смысле оттарабаненных, отработанных в этом, никому ненужном, в этом, заброшенном ко всем дальним-далеким чертям, Стриритсе, нам всем назначили приличное ежемесячное пособие. Подачку эту... и что? Ты слышишь? Ежемесячно пособие! Мы там упыхивались до смерти, работали и работали!.. Одних... Кто-то умирал там, кого-то увозили в больницу в столицу, но уже безвозвратно, а мы продолжали пахать. Кого увозили, тот не возвращался... Пособие нам сделали, а кому оно нужно-то? Вот вопрос...

– М-м-mmm, кому-кому? Наверное, кому-то оно и нужно? А-а-а, нет? – из Эйва выпала фраза выпала сгустком непонимания.

– Вот кому их пособие сейчас нужно? Кому? Нет, ну-у-у... с другой стороны, думаешь, смог бы я разъезжать на этих... этих... на международных автобусах на обычную зарплату? А... вот вряд ли бы смог... и вообще, я ж тут по делу приехал... – сказал Афт и внезапно почувствовал, как к пересохшему горлу подкатывает неприятный тошнотворный комок, он поперхнулся, но смог еще выдать из себя пару слов. – Сейчас скажу, погоди!..

– Тебе помочь, может?

Внезапно мордочка Афта побагровела, он отрицательно мотнул головой, маленькие облезлые усики судорожно дрогнули и он, неприглядно согнувшись почти пополам, захлебнулся в сильном продолжительном кашле. Муравей почув-

ствовал неприятную обжигающую боль, ощутил, как по всему, неожиданно посеревавшему, телу пробежала с молниеносным нарастанием огненно-колючая волна: от самого сердца до самых кончиков лапок, и под занавес беспощадно ударила нокаут в самый мозг.

– Бжжжус-бжжжус! Ну-у-у, вот какой-то ужас, бжжжус, сегодня со мной, ну-у, творится! Ужас, он и есть! – как ни в чем не бывало, продолжил прерванный монолог Афт. – Нет-нет, на моей работе сейчас платят хорошо, я не жалуюсь. Пособие – конечно, это все отлично! Вот только здоровье... здоровье уже не то... и не вернуть здоровье, ни за какие деньги и награды. Да и на таких автобусах-лайнерах разъезжаю не часто. Просто сегодня уж так вышло... Сегодня на Искусственной телестудии «Восемнадцать морей» собирали ветеранов аварии в Стриритсе... здоровье не вернуть – это хоть кто скажет... собирали нас... – неожиданно новая волна ужасающего приступа накатила на Афта, он снова болезненно скукожился, свернулся пополам, как скомканный листок бумаги, и протяжно сипло закричал, закашлялся.

– Афт, слушай, ну, может, чем-то помочь тебе? Сбегать за водой? Сбегать? Помочь? Что сделать – скажи! – подрастерявшемуся Эйву было страшновато смотреть на загибавшегося Афта, и тем более, оставаться безучастным в беде старого товарища.

– Да, не-е-е, не-е-е, все нормально, все нормалек... погоди, сейчас... – муравей сильно помотал головой, напрочь от-

рицающая помощь, он откуда-то из кармана проворно выцарапал носовой платок мышинного цвета, и кусочек ткани исчез в глубине мандибул.

Вороной овальный металлический медальон с шестью или семью выбитыми цифрами и буквами выполз из-за ворота рубашки, словно проснувшийся священный жук-скарабей вылезает из раскаленного песка в сухой пустыне, в тот момент, когда муравей загибался в болезненном кашле. Эйв заметил непривычный для рабочих особей необычный отличительный знак, и только хотел было спросить Афту о нем, как тот, опережая все вопросы, решил сам рассказать.

– Я ведь сейчас считаюсь ветераном труда... представляешь, дорогой Эйв, где я и где ветеран труда? Две категории – совершенно несовместимые...

– Ну, ты и даешь! – только и выдохнул Эйв.

– Я же еще такой молодой, вся жизнь впереди... И уже – реальный ветеран! – Афт с беспокойством взял в маленькую лапку темный кругляш, нервно покрутил его, философски посмотрел на надписи и показал его товарищу поближе. – Видишь, это нам вручили. Нам это надо? Ага, надо, особенно... Некоторым – уже посмертно вручили. Да и нам – тоже почти что посмертно... Здоровья никакого совсем нет, никакого, да и в живых почти никого нет, но зато мы, что ты скажешь, зато мы – ветераны... Вот как! Не знаю, что тебе сказать даже на это... Тяжело некоторые вещи осознавать, очень тяжело и до сих пор не могу примириться... Вручить-вру-

чили, и радуйтесь, ребята – ветераны... А как нам дальше жить – непонятно...

– Ты чего такое говоришь? Почему посмертно – вам-то? Живи, да живи! Все давайте живите!

– Да мы-то, разве, против? Мы не...

– Здоровье... Ну, здоровье – это да, тут сложно все... Надо надеяться – понемногу восстановится... Вы же уже здесь, а не там...

– Да-да, почти, – Афт со спокойной уверенностью прервал Эйва на восходящей ноте негодования. – Все мы уже – там почти...

И Эйв действительно представил этого муравья, своего бывшего корешка, задушевного товарища, младше его на какой-то один год, ветераном труда. Ветераном труда, ставшим из-за маленькой щепотки прожитых лет ради беспощадной работы в Стриритсе. Если со стороны взглянуть – из-за каких-то нескольких лет, которые стоили многим особям жизни... Есть в мире оптимистично заряженные натуры, решительно всем довольные и ко всему быстро привыкающие, именно таков был и сам Афт. В свое время, трудно было себе представить муравья более покладистого и на все согласного, сейчас же он разительно отличался от того прежнего себя. Столь сильная перемена характера, происшедшая с одряхлевшим Афтом за то время, пока товарищи не виделись, ярко поразила Эйва. Жизненные обстоятельства сделали его на много лет старше: внешность сильно изменилась, практи-

чески до неузнаваемости – морщин значительно добавилось и покрытие телесное, словно из его тела выкачали все жизненные соки и оставили одну оболочку, казалось искусственным и бледно-сероватым. Эйв про себя отметил, что при общении Афт как-то непривычно разговаривал, безудержно напирал своей мощью, не давая вставить и слово, что раньше подобного не было. А ведь Эйв очень хорошо когда-то знал Афта, но, похоже, это «когда-то» безвозвратно прошло и осталось далеко-далеко позади, совсем в другой заоблачной архаической реальности. Непривычный голос увядающего Афта, который раньше звенел, как искусно настроенный инструмент, сегодня был, скорее, скрипом несмазанной двери, то и дело прерываемым ухающим кашлем.

Пожалуй, единственным, что осталось от прежнего того Афта, которого Эйв знал много лет назад, было прекрасное чувство юмора. Редко кого Эйв встречал на своем жизненном пути с изысканным умением тонко иронизировать и остро шутить; почти всегда неунывающий и жизнелюбивый Афт, словно нескораемый яркий огонек, как смеялся над всем окружающим миром несколько лет назад, так и сейчас продолжал балагурить над бытовыми проблемами и изощренно подтрунивать над вопросами государственного масштаба. Он с заметным удовольствием вспоминал забавные эпизоды из недавнего экстремального житья-бытья, по-настоящему первобытно-общинной, зачуханной, собачьей и страшной болезненной жизни в мрачном, полураз-

рушенном чужом городе, рассказывал в легчайшей, полувоздушной, и только ему свойственной, манере, так, как будто изнурительная, иногда непосильная и опасная работа на аварийной ядерной станции стала для него праздничной воскресной прогулкой в городской парк отдыха.

Обо всех «причесанных» журналистами тяжестях, доставшихся рабочим на Стриритсе, Эйв знал из еженедельных сообщений «Новостей», и в эти самые минуты, в минуты общения с Афтом, он пытался соединить в одну гармоничную картину: масштабное восстановление последствий аварии и своего старого приятеля, участника этих героических событий. Всего на станции в то время трудилось более трех тысяч специалистов из разных городов, причем две сотни профессионалов приехали даже из высокомерного Моота*, города-сноба, который, казалось, всю историю существования муравьиного рода воевал со всем окружающим миром. Лишь общая беда, грозившая страшными невообразимыми последствиями, нарушила тысячелетнее противостояние народов. Но, как бывает в истории, все возвращается на круги своя, и после двухгодичного затишья, связанного с отправкой рабочих муравьев в Стриритс, военные конфликты, провоцируемые манерным правительством Мота, один за другим как-то неосторожно снова возобновились. Разрушительная, кровавая война, ставшая нормой жизни для жителей такого мегаполиса, как Моот, как этот надменный и спесивый Мо-

от, продолжала дышать трупным запахом смерти. В Стри-
ритсе объединенными усилиями многотысячной армии спе-
циалистов, шла совсем иная битва: жизнь поколений ожесто-
ченно боролась со смертью, и эту рукопашную схватку мож-
но было наблюдать на всех каналах ТВ.

Глава 11

БЕЛЫЙ

В самом конце Шестьдесят второй, на необъятном сухом, бесцветном, полуживом пустыре, приютившем автостоянку, заполненную огромными и махонькими, но, в основном, очень старыми автомобильчиками под завязку, и обнесенную невысоким, всего в один метр с хвостиком, цветным игольчатым забором, грозно и хлопотно урчал, посапывая через раз и шумно выстреливая порциями сизых колец из глушителя, грузовичок.

Когда-то, лет пятнадцать назад на этом месте и пустыря это самого не было, а высился настоящий красавец-лес, с беспролазными чащами, невозмутимыми харизматичными дубами и пленительными лохматыми гикори. И когда только успели вырубить такую живописную и такую полезную ореховую дубравушку? Никто даже и не успел заметить, она бесследно растворилась сама по себе с приближением городских границ, одним взмахом всевластной волшебной палочки.

Молоденький, совсем еще безусый автослесарь в грязно-песочной рубашке, местами протертой до неприличности дыр, нервно копался в механических внутренностях клоко-

чущего зверя, другой – грубо еле слышно ругался и бурчал, и, ерзая на месте, сидел с колючим беспокойством за рулем, каждую минуту он норовил выглянуть в приспущенное окно, то одной, то двумя лапками он поправлял крепление зеркала заднего обзора, и пристально всматривался в него, оценивая обстановку вокруг шипящего автомобиля. Сидящий в просторной кабине чумазый муравей хрустяще крикнул первому, явно поперхнувшись на первом слоге, на что тот только пробурчал и резко дважды отмахнулся.

Из двухэтажного кирпичного домика с золотистой двускатной крышей, с одной стеной, скорее всего – северной, уже безнадежно замшелой пушистым буро-мглистым мхом, в котором располагалась простенькая автомастерская, о чем свидетельствовал широченный красочный, ярко-синий баннер с коряво начирканными золотистыми буквами, выскочил еще один механик и размерено приблизился к урчащему грузовику. Мураш мягко открыл наполированную до глянца дверцу авто нараспашку и живо протянул, сидящему там, мигающий красными и желтыми огоньками мини-цилиндрик. Удивленный водитель посмотрел на улыбающегося товарища, осторожно взял срочное письмо и спокойно, без замешательства, отправился, ничего не говоря, в мастерскую, чтобы ознакомиться с посланием. Освободившееся место в авто занял новый муравей. Прямиком через всю автостоянку по утрамбованной серо-рыжеватой щебеночной насыпи торопился красно-зеленый почтальон. Как только он при-

близился к родной спецмашине, полукруглому «универсалу», нетерпеливо ждавшей его у самого въезда у автостоянки, с нежно-журчащим двигателем, дверь распахнулась, и он плюхнулся на переднее сиденье. Отвечая на вопрос помощника-водителя он, жестикулируя, указал, видимо, дальнейшее движение, и через секунду автомобиль почтовой службы тронулся с места. Медленным ходом, выезжая с парковки, машина пропустила двух веселых пешеходов – Эйва и Афта, которые шли и оживленно разговаривали.

Красно-зеленое пятно – униформа почтовика, мелькнувшая пятнышком где-то сбоку, снова воскресила в памяти Эйва утреннюю встречу. Кратковременное течение его мыслей было прервано восклицанием Афта:

– Эйв, все очень здорово, отлично так, что мы встретились! Слушай, я очень-очень рад! И-и-и... ну, ты не обижайся, понимаешь, мне дальше – никак! Ну, никак уже... Надо уже бежать, надо обратно. Не хмурься, хорошо? Ну-у-у, времени уже много...

– Да-а-а, ну ты чего? Как это? Да, все нормально, все отлично! Я понимаю. Я тоже очень рад, что мы пересеклись! Чудо какое-то случилось!

– Если хочешь, если получится, точнее, смотри сегодня в половине восьмого на Девятнадцатом канале. Вроде да, в полвосьмого, если не ошибаюсь... нас всех покажут. А сейчас надо бежать! Ага? Ну, давай...

– Посмотрю. Обязательно посмотрю, обещаю.

– Смотри, конечно же, давай. Обязательно смотри, да-а-а, и скажи Ронду тоже, тоже пусть смотрит. – Афт протянул горячую и слегка влажную лапку на прощание. – Ну, будь здоров! Береги себя и... и всегда верь в светлое будущее, как бы тяжело, как бы уж совсем дерьмово не было в жизни! Свидимся еще, надеюсь. И про маршрут «работа-дом-работа» – тоже, кстати, подумай!

– Постараюсь!

– Подумай-подумай, есть некоторые варианты, которые надо просто поискать, может... может, что изменишь! – и Афт озорливо подмигнул.

– Конечно, свидимся! Жизнь – она непредсказуемая! – ни Эйву, ни Афту не хотелось прерывать неожиданную приятную встречу. – Знаешь, я очень хочу еще с тобой как-нить поболтать за жизнь. Встретимся как-нибудь?

– Да, поболтаем. Время только выбери. Пиши мне.

– Напишу. Только куда писать-то?

Их последние фразы вылетали подобно реактивным ракетным выстрелам – эмоционально, звучно, быстро, хлестко. Нескончаемая минута расставания неприлично затягивалась, и каждому надо было бежать-торопиться по своим рабочим делам.

– Слушай, через сеть найди меня. Я на 44-ой улице живу. Блок номер четыре и квартира – тоже четыре.

– Сплошной четверашник-четвертак?

– Ну, получается, что да. Легко запомнить... Вот и запом-

ни так тогда, и напиши обязательно, не теряйся! Очень прошу тебя!

– Да, я запомню, беги уж давай. – Эйв поставил на землю канистры и лапками развернул Афта и, похлопав по плечу, добавил. – Все, счастливо, друг мой, а то мы так не разойдемся с тобой! Безмерной удачи во всех делах! И здоровья тебе – полную чашу!

– Спасибо, счастливо, Эйв!

Муравьи разошлись в разные стороны: Эйв заторопился, он уже потерял целое ведро драгоценных минут, заслуженный ветеран Афт тоже поспешил домой, пройдя несколько одиноких шагов, он все же обернулся и принялся горячо размахивать лапками вслед таящему в беспросветно-сером туннеле Эйву, но тут же понял, что его прощальные знаки останутся без внимания, лихо повернулся и небрежно взмахнул лапками.

– Ой-ой-ой, извините меня! Я не хотел, не хотел! – Афт случайно задел лапками прохожего. – Извините!

– Да-а-а, что Вы! Это я сам-сам налетел! Вы меня просите! – сконфужено залепетал прохожий, поднимая упавшую шляпу.

– О-ох, не хорошо получилось! Извините меня! – только тут до Афта долетел убийственный аромат незнакомца, и он непроизвольно прищурил глаза. В это же самое время у ветерана внезапно зачесался наличник и рвотно задвигались мандибулы, он почувствовал остро, болезненно, до са-

мой невероятной непристойности, как в его носовых лабиринтовых проходиках мелким ядовитым буравчиком внедряется неприятный запах. «Какой ужас!» Муравей поднес лапки к kloкочащему носу и приготовился чихнуть со всей силы, но вылетел такой бледненький чих, что он лишь улыбнулся сам себе. Муравей нервно достал свой любимый носовой платок, быстрыми, почти лихорадочными движениями вытер свою мышиную мордочку и прибавил шаг от странного прохожего. Незнакомец, застывший на минуту-другую после столкновения, лихорадочно вздрогнул, натянул шляпу глубоко на голову, как-то натужно икнул, безуспешно пытаюсь сдержаться, и продолжил свой путь. Пухлявый старичок, безмятежно отдыхавший на одинокой скамейке, мимо которой проходил Афт, очевидно, немного задремал, и ветеран Стриритса своим сизым чихом разбудил полусидевшего-полулежащего, тот легонько вздрогнул и, движимый инстинктом интеллигентной вежливости, тут же выпалил «на автомате»:

– Будь здоров, сынок, будь здоров!

На мгновенье опешивший Афт поблагодарил старика, посмотрел на механические часы, которые беспризорно болтались на худенькой лапке, и пустился домой бегом. И как-то неожиданно резво получилось у Афта стартовать, и уже не останавливаться. Далеко за спиной уже остался и приятель Эйв, и «шляпный» прохожий, и старичок, и кто-то еще, и еще, и за ним еще другой... Афт бежал, словно ле-

тел над землей, и за его спиной легкомысленно развевалась, подхваченная беспризорным весенним ветерком, рубашка, неизвестно когда успевшая расстегнуться. Он бежал, и в заоблачных глазах его просвистывали один за другим расклеенные повсюду на стенах домов свежееотпечатанные огромные плакаты с изображением президента страны Сная. Он бежал, и монументальная фраза под неистребимыми портретами «Твое СВЕТЛОЕ будущее – в твоих лапках!» постоянно догоняла его и с неприятной дотошностью, назойливо и прилипчиво, словно ударяя по затылку, спрашивала снова и снова: «Ведь, точно так? В твоих лапках – твое будущее? Или, может, скажешь, что я ошибаюсь? Ошибаюсь я? Ошибаюсь?...»

Его, безраздельно отдавшего свое здоровье, свою жизнь, всего себя на алтарь служения идее всеобщего благоденствия, всеобщей жизни... и... идее спасения всего муравьиного рода.

«Помощь ближним – есть высшая степень... степень... степень... а чего, собственно, степень? И почему – именно высшая...» – кажется, так учили нас в интернате, но вот только уже не все помню...

– Но-о-о... что эти слова значат сейчас? – Афт на бегу припомнил сегодняшнюю беседу с журналистами Девятнадцатого канала. – Что они значат сейчас? Конкретно для Вас, вот именно для Вас, они что-то определяют?

– Для меня, как и для всех нас, вот прямо для каждого, для нас – эти слова помогли нам просто-напросто выживать на Стриритсе, помогали справляться со всеми маленькими и большими трудностями, да-а-а, большими и бесконечными, которые рождались и рождались одна за другой. Вам сложно это все представить... Даже не совсем сложно, Вам это невозможно представить. Эти... эти слова для нас были священными... Это... ну-у-у, это невозможно описать словами... Здесь – как будто другой мир...

– А как сейчас? Не жалеете, что сделали такой выбор?

– Странные вопросы Вы задаете? Очень странные, я даже сказал бы... А Вы бы сами лично не решились пойти добровольцем, когда угрожает опасность миллионам особей? Ну, или давайте так – опасность угрожает всего-навсего сотням муравьям... Вы бы пошли?

– Э-э-э... – замычал ведущий.

– Ну, хорошо, уговорили, пусть не сотням, а пусть – десяти, или всего-навсего одному муравью... Неужели Вы ради чьей-то жизни не пожертвовали своей? – возведенный в степень наивысшего патриотизма Афт смотрел в скользкие глаза присутствующих в студии журналистов, мурашей-зрителей, и растерянно-робко и безынициативно искал элементарные ответы на свои вопросы, которые, похоже были сложнейшими уравнениями для слушающих. – Слушайте, нас же всех учили с самого раннего детства... Да, и при чем тут учили? У нас же... – тут он немного запнулся. – Я что-то

не то говорю? Не то?.. Если я говорю неправильно или неграмотно, вы меня уж поправляйте. В каких-то вещах я совсем необразованный, а где-то и интересно что... где-то я что-то понима-а-аю. – Афт загадочно улыбнулся, сделав ударение на последнем слове, и завершил свою тираду. – Правильно или неправильно, вы уж разбирайте всем коллективом, а я уж как считаю, то есть, как чувствую своим сердцем, так и говорю. Говорю от своего сердца. Спасибо, что дали высказаться. Премного благодарен! Всем спасибо!

– Да, Вы – просто чудо! Вы – настоящее чудо!

– Да-а, спаси-и-ибо, спасибо! – смущаясь сиял Афт.

– Вы правильные слова говорите, Афт! Все правильно и ровно так, гладко! – ведущий телешоу скоропостижно очнулся от такой восторженной речи, словно только что благополучно пребывал в ином параллельном мире.

Он манерно вытянул лапку в сторону ветеранов, сидевших небольшой кучкой, поклонился им и зааплодировал от всей души, следом за ним и весь зрительный зал гипнотизировано поддержал аплодисментами заслуженных труженников. Афт спокойно поднял правую лапку, с просьбой всеобщей тишины и зал мгновенно стих, муравей уже совсем с другим настроением продолжал.

– Только, вот... Только кто вспомнит завтра о наших ребятах? О моих товарищах – о Дотре, о Ните, о Скилле, о сотнях, тысячах простых рабочих муравьев? О тех, кто навсегда остался в Стриритсе и уже не вернется... О тех, кто не вер-

нется ни-ког-да обратно...

– Как это, как это? Мы вспомним... Мы... – жарко начал, было, тележурналист, но Афт уже закрыл глаза и мотал головой из стороны в сторону, с заметной нервозностью потрясая усиками.

– Не уверен, что вспомните. Совершенно не уверен! Разве такая авария в первый раз? Ну, я спрашиваю – такая авария впервые была? Ну, ведь нет, не впервые! Нет-нет! И многие уже совсем все забыли, что было. Так и о нас вы помните, пока вот эта жалкая горстка муравьев жива. Ну, точно говорю вам, в вашем-нашем-общем лексиконе нет такой фразы, нет лозунга «Мы будем помнить!» Это пафос! Ее просто-напросто нет. Сейчас нас осталось уже сорок. Сейчас – всего-навсего сорок, а вот три месяца месяц назад было в два раза больше! М-м-м, понимаете вы эту простую арифметику? В два раза больше, и что? Сколько ж нас останется еще через месяц? Мы просто пришли и сделали свое дело. Считаю, мы выполнили свой долг перед Отечеством и это не просто красивые слова, а это вот... Это вот мы... – тут он запнулся, и замолчал, ему не хотелось продолжать живительную речь... Испарилось желание... Для кого он говорил? Для себя?

Искренний монолог Афта погасил все пламенные восклицания журналистов и продолжал держать в трепетной нервозности аудиторию, которая пережевывала сказанное ветераном. Это было неожиданно и достаточно смело, хотя ни-

кто не мог ничего сказать против: ведь все так, в реальности, и было, да и будет дальше...

Было решено сделать получасовой технический перерыв. Съемки, немного вышедшего за рамки телешоу, возобновились лишь после того, как слегка окаменевшие журналисты упредительно переговорили с другими ветеранами аварии.

«Сколько ж нас останется через месяц? И останется ли вообще? Останется ли? Мы выполнили свой долг перед другими муравьями и все... и все, и больше ничего такого особенного...»

Афт продолжал нестись по улицам, почти лететь, и уже подкатывал внутри горячий и колющий шарик, и он чувствовал, что сил никаких нет, нет сил и все, и придется перейти на ходьбу. «Ох-х-х, ладно, пусть и опоздаю, но, правда, сил уже нет бежать и бежать!.. Всю нашу жизнь мы все бесконечно бежим куда-то, как бешеные белки в замкнутом нескончаемом колесе, пытаемся догнать призрачное... призрачное счастье... или что? Неужели мы так и будем всегда бежать за этим манящим туманным счастьем?»

Ветеранская наградная цепочка с матовым медальоном отчаянно скакала поверх растрепавшейся рубашки. Плик-скокк, плик-скокк. Очередной болезненный комок с тревожной настырностью подкатывал к пылающему горлу, по ноющей плоскости затылка и пронотому*, на котором еще держалась рубашка, сбегали струйки пота, ноющее тело пылало

огнем, виски необузданно пульсировали: тик-так, тик-так, тик-так... В мутной голове то оживали, то вдруг растворялись образы и события, словно в пустыне млеющий мираж. Афт абсолютно ничего вокруг не слышал, кроме, лихорадочно отбивающего на тамтамах чернокнижные ритмы, сердца, а слезящиеся глаза различали лишь узкую дорожку смолянистого тротуара. Муравей больше всего боялся думать о надвигающейся болезни, которая, переминаясь с ноги на ногу, в скромном ожидании уже стояла у порога его внутреннего мира и все норовила переступить его. Он боролся всеми возможными внутренними средствами с тем, чтобы не впустить ее, не впустить ни при каких обстоятельствах, но, похоже, все бесполезно, никакими силами удержать ее было невозможно... может быть, ему чудилось, что он отдает все жизненные силы, борется с неминуемым приходом смерти, стараясь улизнуть от своего недавнего прошлого. Но разве можно от него уйти или убежать?

«Ну, вот почти и дома! Почти... Нет ничего хуже этого „почти“, есть просто или „да“, или „нет“, или ноль, или десять из десяти, а это недосказанное „почти“ вылетает, и кружит призрачной желтобрюшной синицей, и намеревается сесть тебе прямо в лапки, но так и не садится, и вдруг оказывается совсем не крохотной синичкой, а большеногим аистом. Почти дома... почти...»

Задышающийся Афт стрелой выскочил на перекресток Шестидесят второй и Пятидесят пятой, не заметив мчавший-

ся пикап службы озеленения. Очумелый водитель, пытаясь избежать столкновения с неожиданно появившемся пешеходом, резко нажал на тормоз и одновременно крутанул руль влево, машину развернуло, и правым предательским боком она с мощной силой отшвырнула ветерана в сторону, словно упругий теннисный шарик отскакивает от ракетки. Тот беззвучно пролетел несколько метров и жестко распластался возле угла серенького домика; автомобиль от такого крутого поворота несуразно завалился на бок, молоденькие саженцы, предназначенные для высадки где-то в скверике по соседству, и которые минуту назад еще находились в прикрытом кузове, дружной компанией высыпались вместе с землей на дорогу. Из разбитого окна перевернутого авто робко показалась сначала одна лапка, потом, более уверенно, – другая, скрипящий от случившегося, водитель живенько протискивался сквозь узкий стеклянный прямоугольник – дверь от падения заклинило. Проходивший мимо молодой мураш с бумажным пакетом опрометью бросился к ближайшему телефону – звонить в службу медпомощи. Прохожие поспешили к лежащему муравью. Афт, широко раскинув все шесть лапок, беспомощно распластался на пробитом пропodeуме, из-под которого медленно вытекала тоненькая струйка прозрачной жидкости – муравьиной крови. Распахнутая разодранная рубашка решительно превращалась из нежно-бирюзовой в угрюмо-ультрамариновую. Разорванные усики спонтанно несимметрично балансировали в напряженном от про-

изошедшего эпизода воздухе – они оба были напрочь сломаны и еле шевелились. Две верхние лапки тоже безвольно болтались, словно в невесомости, явно не желая успокоиться и замереть. В раскрытых глазах Афта жизнь не собиралась сдаваться, он смотрел вперед, не видя ничего перед собой.

– Сколько нас, а?.. – еле слышно прошептал Афт, но вряд ли кто его услышал. – Сколько?.. Кто может сказать?..

Обступившие сбитого Афта со всех сторон, – ну, надо же интерес какой – наиинтереснейшее событие, да еще и в выходной день, – хоть какое-то мало-мальское развлечение для всех празднующихся, – муравьи мертвенно закаменели в неестественных позах, и с настороженным волнением смотрели на своего сородича, и никто из них не нагнул, и не притронулся к сбитому, опасаясь сделать что-то не так. От перевернутой машины к пестрящему кольцу свидетелей аварии, сильно хромя на правую лапку, вымученно ковылял водитель, – похоже, повреждение лапки было достаточно серьезным, раз он не мог спокойно на нее наступать. Толпа синхронно расступилась, и, когда шофер приблизился к Афту, захлопнула живое, накаленное волнением, кольцо снова, тот опустился к сбитому им мурашу и бережно взял его лапку в свою. Ледяные грустные стеклянные бусинки ветерана казались совсем безжизненными, но тонюсенькая струйка надежды солнечным зайчиком-попрыгайчиком пробегала по серо-рыжему шершавому запястью, можно было не бес-

покоиться – все, наверняка, образуется, и водитель здесь же, на мышином асфальте, с размаху уселся на пост-петиоль*, слегка подогнув тергиты*, и стал пристально рассматривать свою пораненную лапку: гемолимфы*, «муравьиной крови», было не так уж и много, но все же острейшая боль пронизывала до самых кончиков коготков.

Наконец-то на аварийный перекресток прибыл натужно завывающий сиренами автомобильчик медицинской помощи. Из огненно-красно-белой двери дружно выпрыгнули два мураша в халатах и подбежали к пострадавшим. Сквозь толпу бочком-бочком протиснулся следом и угрюмый муравей-врач, который уж очень не любил выезжать на места происшествий, количество которых в городке в последнее время резко возросло. Не менее проворно выпрыгнули из машины еще двое муравьев из задней двери. Они суетливо выгрузили складные носилки и тоже подошли, им торопиться особо было некуда, ведь что скажут главные медики, то они и будут делать. Царила мертвецкая тишина, свистела проводной рябью на всей проезжей части, где разномастные машинки всех видов и пород сейчас протискивались между случайной толпой, необычайно пустынным тротуаром и полуживым «перевертышем», замедляя ход, а некоторые и останавливаясь, с любопытством и с молчаливым житейским интересом «что же тут произошло?», выглядывали испуганные шоферы и пассажиры. Как-то в один миг, чих-пых, и раненого Афты осторожно погрузили на носилки и закинули в «ско-

рую».

– В конце месяца... – продолжал шептать ветеран.

– Что?.. Ты чего там? – не понял его медик. – Молчи, давай! Береги силы, они тебе ой-как нужны!

– Что со вторым-то делать? – резко спросил один из белыхалатников. – Берем его или что, а?

– Его тоже забрасывай. Давай, его тоже забирай! У него не так серьезно, но для полного комплекта оформим и его! – резво скомандовал врач.

Из-за скорбного кирпичного угла показалась молчаливая патрульная машина дорожной полиции, она спокойно подкатила к перевернутому пикапу. Деловитые полицейские занялись своими обязанностями: они шустро разбирали заваленные молодые саженцы, некоторые деревца были сильно повреждены, но их все равно закидывали в одну горку вместе со всеми, затем проворные полисмены окружили опрокинутую машину со всех сторон и на «р-р-раз-два-три-взяли!» легко, непринужденно, без дальней суеты, поставили ее на колеса. Свидетели происшествия начали молчаливо неспешно расходиться, один за другим потянулись дальше по своим маленьким и большим делам, куда следовали и до этого. Уже через каких-то пятнадцать-двадцать минут после злосчастной катастрофы, кроме лениво позевывающих патрульных, на проезжей части перекрестка ничего не было, а спустя еще четверть часа, спокойный рабочий

квартирчик продолжал жить по своему обыденному расписанию, будто бы ничего и не было. Все те же сонные пешеходы, беспутно отдыхающие в вялом воскресном бездействии, да и спешащие по неотложным делам – тоже, безмятежно проходили мимо пестрой галереи бесконечных многоэтажных домов, мимо повсеместно расклеенных глянцевых плакатов с изображением президента, мимо злополучного несчастного угла, где совсем недавно лежал полуживой Афт. Все словно замерло в наивной детской дворовой игре «замри-отомри», оставаясь на своих безупречно-чистых местах, да и что могло изменить привычное течение монотонности жизни: казуальный эпизод, бессмысленная случайная авария, гибель постороннего, никому не нужного пешехода, смерть десятка муравьев или, может быть, смерть сотни муравьев? И, вообще, неужели что-то может изменить «привычный ход событий»? Насколько должна быть трагичной, страшной развязка, чтобы хоть как-то изменить мышление «прохожих»? Каждый погружен в свой микро-мир?

Глава 12

ЗЕЛЕНЫЙ

Нежно сберегая кристальную изюминку счастья, искрящаяся позолоченным облаком воздушной влюбленности, Амина прогуливалась с Эйвом вдоль живописной аллеи старосветских розоцветных яблонь и царственных шелковистых груш, лилейно держась за лапки. Они наслаждались легким философским разговором о промышленном и культурном развитии мегаполисов, парочка без устали бродила по уличным лабиринтам города уже третий час, и вот судьба совершенно неожиданно притянула их к заветному родничку, на который всегда приходили дежурные с Шестьдесят второй улицы, да и не только с нее, но и с многих других, за живительным соком. Как всегда, возле журчащего источника скучала небольшая очередь.

– Пивет, двузья! – как только муравьи спросили об очередности, к ним подошел совершенно незнакомый муравей и завел разговор. – Можно к вам обватиться по одному интесвесному вопвосу?

– Привет-привет! – в один голос незамедлительно ответила парочка, и, улыбнувшись тому, что так славно совпал их ответ, переглянулись и засмеялись.

Они осмотрели мураша с ног до головы и, не сговариваясь, единодушно решили: «Пусть обратится, раз ему так надо!» Подошедший, как и большинство ожидающих своей порции сока муравьев, был одет вполне прилично, можно сказать, даже по «фирменному» стилю: рабочий джинсовый костюм выглядел немного старовато, но до неприличия чистым, свежим и отлично выглаженным, – это сразу же отметили про себя и Амина, и Эйв. На лацкане клетчатого пиджака сиял золотистым ромбиком пластиковый значок с загадочным логотипом. Повыше глаз были закреплены зеркальные солнцезащитные очки, видимо, он приподнял их в ожидании уж очень яркого солнца.

– Меня зовут Эшли! Могу познакомить вас с местными достопримечательностями. Все абсолютно бесплатно, вadi вашего удовольствия! Может, пока пвогуляемся по ближайшим ковидовам истовии, а? Есть желание? – муравей сильно картавил, что нисколько его не смущало, и он, забавно улыбаясь, неловко мотнул головой в сторону ворот храма Ре-Ру Гранде, расположенного тут же, в каких-то полусотни метрах. – Пвогулка интевесная будет! Пвогуляемся? Обещаю за интевес! Ввремя звя не потватите, пвогуляйтесь и отдохните! Как вам такое пведвожение, а-а-а?

– Ну-у-у? Если только на несколько минут... – Эйв принял решение за двоих. – Как долго намечается данное мероприятие, любезный...?

– Эшли! Эшли – мое имя. Да-а-а, как долго, как долго?..

Совсем и недолго, ну-у-у, или уж тогда – на всю жизнь, если вдруг что... Загадывать напевед ничего нельзя!.. Жизнь – она же бо-о-ольшая головоломка, повой, может и сложиться не так, как ожидаешь...

– Нет-нет, на всю жизнь никак нельзя нам... Нам бы, вот, на полчасика ваша историческая экскурсия, такая неожиданно нарисовавшаяся, – самый раз была бы, ну максимум – на часок! – Эйв посмотрел на Амину. Она стояла и бессловесно светилась от счастья. Муравей решил, что надо пару слов добавить и в ее сторону: – А прогулку на всю жизнь, мы, кажется, уже нашли...

– Кажется? Или нашли? Или все-таки «кажется»? – тут Амина не удержалась и заражающе рассмеялась.

Эшли стоял и только глупо улыбался, прекрасно догадываясь, о чем говорят его новые знакомые.

– Тогда нечего откладывать, впевед!

Задорные Амина с Эйвом переглянулись: «Ну-у-у, мы и авантюристы с тобой пожизненные!» – и рванули за ускоряющим шаг экскурсоводом.

«И откуда он взялся? Никогда тут не было никаких экскурсий и сопровождающих? Просто какие-то чудеса творятся... Надеюсь, что все – только на пользу!» Все же интерес к познанию местных окрестностей поборол минутный страх, точнее сказать, и не было особой безгрешной борьбы: гуляющим без особой цели Амине и Эйву сделали заманчивое предложение, и влюбленная парочка решила провести сво-

бодное время с пользой, послушать и посмотреть, что же такого «интересного» представит им новоявленный экскурсовод.

– Пойдем, посмотрим, что там. Будем надеяться, что нам понравится! – сказала Амина, как бы подтверждая ход мыслей друга.

– Ну, что, не сильно ствашно? Не ствашно говою? – слегка хихикнул Эшли. – Как там, в песне поется? «Сделай певвый шаг!» Кажется, мы его и в-вешили сделать, павда, двузья?

– Павда, павда! – чуть слышно, по-детски, передразнил его Эйв.

Амина укоризненно посмотрела на него, улыбнулась и наклонила голову, как бы говоря: «Ну-у-у, зачем ты так?»

Очаровательный экскурсовод передал муравьям миниатюрные фонарики, непонятно откуда взявшиеся в его лапках, включил большой осветительный прибор, державший в своих лапках, и уверенно начал спускаться вниз по каменной лестнице, ведущей к широкой овальной площадке. Серые матовые ступени, гладко отполированные, с каждым шагом становились все темнее и угрюмее, местами на них поблескивал ледяной глянец с легкой испариной. Пока особой необходимости в фонариках не было, солнечные лучи местами проникали в подземное таинственное помещение, и почти все было хорошо видно.

Спустившись метров на пять-шесть по ступеням, Амине стало немного не по себе, ледяная дрожь мелкими бусинка-

ми одна за другой отправлялась по всему проподеуму, закатываясь то в сложный глаз*, беспощадно подергивая околорадужную слизистость, то в мощный и прочный протонум (верхнюю часть – предплечье), то в шершавые усики, то в одну верхнюю лапку, то в другую, то опускалась до самого бедра, и нервозно дергала, и дергала, и снова дергала, словно за хлипкую ниточку паутинки каждой частички тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.